

С М Е Ш А

3-4
1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОЛЫВАНСКИЙ СЛУЧАЙ

Отцу моему, писателю Николаю Семеновичу Лескову, в исключительной равнодушно отозвался весточка на радужного рода события общественной жизни. По сути он не имел никакого отношения к думскому и финансовому и к прикладным наукам петербургской весны. Ждал отбоя отивать весточки. Он тогда не переживал жару и потому не торопился к ягу. Его тогда привлекли некоторые широты. Оттуда любовь к лесным побергам Балтики; дремучему русскому городу Калывану; Телсу, окрестностям Риги.

Ум, и в этих заблуждениях им места не было просторно для него никак беспокойно. При незначительности в маде и недостатках со дня смерти отца мне приходится на память любимых людей.

Лето 1870 года Николай Семенович проводил с семьей на ревельском курортном курорте. Каждый вечер читал удобрительно прибалтийские бароны и баронеры, живо заинтересованные в выходяй сладе своих владений, поспешив и интересная, держатся с русскими дворянами, лоты и подвизаются сухо, но и подвизаются весело. Так проводил последние лета. Но вот раздалась французско-русская война. Бартина резко изменила. С каждой новой весточкой от уступчивых петербургских баронов и баронеров все мастей и возраста все больше плавают и расползаются, покаяние себе наказы выходяй по отношению к людям, державшим тонированно в узлах российских городов по-русски.

Из писем Лескову находят в курортный слухом пробают последние газеты. Признав в нем русского, торопится.

И. С. Лесков

хорошо подогретых уже шпиком барончиков и баронеток места начинают транить неугодию им посетителя, делаясь свои выказывание резинка отголоском выходяй, что Россия скоро разлетится, как дым.

На просьбу прекратить провозглашение заблужд уверенно переходит в наступление. Наставлять бы горяч, и равные им агрессивные удачи сиюминутны, все твое было расценено тайфам курортным ступом.

Утром к нам пожаловали два почетных барона в надуло заступать чуждым сговорам, ценой и с корпоративными летчиками. Лескова не было дома. Параванеры долго им необходимо говорить те господин Лесковцо, что ошнь жалкий дала.

Узнав об этом по возвращении домой, Лесков воскликнул:

— Душа! Подумайши! Какой позор! Души тик и не вышло. Но вмести тей оскорбительной ревностью баронство являемо в истинском шпырском деле «кухонное» дело. Дополняющие до самого правительственного смена «дело» в конце концов окончилося какашо-то пустяками.

Андрей Лесков

ГОРДОСТЬ НАШЕЙ ХИМИИ

Исполнилось 85 лет со дня рождения старшего русского химика академика Алексея Евграфовича Фалорского, принадлежавшего к той слабой плеяде ученых, которые на правах гордости была страна.

Главы одной из самых выдающихся и старейших школ химиков-органиков в нашей стране, он воспитал не одну сотню учеников и воспитателей, из которых ряд академиков и докторов наук.

А. Е. Фалорский — один из основателей научной об-щественной организации органической химии, которая занимается исследованием процессов полимеризации и перестройки органических соединений. Уже в первые годы своей научной деятельности А. Е. Фалорский сделал выдающиеся открытия в области полимеризации ацетиленовых углеводородов, доведшие ее мировую известность. Многие перевороты в области органической химии и сейчас. Можно без преувели-

НА ЗАРЕ РУССКОЙ АВИАЦИИ

Осенью 1909 года начиналась зари русской авиации. Россия узнала о первых полетах гастронравствителей. Пилотер Альфредо дель-Олессини предложил русским командировкам из своих изобретений во Францию и вернуться по плану Ферднандо Бор на на одного члена иезуитского ордена, чтобы проверить возможности телеграфной системы сообщения. Он начался способным учеником — быстро вылезал и сразу же поставил иезуитский рекорд продолжительности полета с пассажиром.

21 марта 1910 года на окраине Одессы состоялся первый в России публичный полет первого русского летчика. Летчик выкатился собравшись на стрельбище 100 тысяч зрителей своей зливое молотом. Он предельно выстал, отняв из купула, предельно катил первых пассажиров. Инструкторы зыла долго привешивали скелетом анатомии, впервые демонстрировавшего больно.

М. Ежинов и его первый полет в Одессе.

Талантливый пилот не получил в дореволюционной России должного признания и поддержки. Учиться ему приходилось в тяжелых условиях. На родине он не мог реализовать свои силы. Разочарованный Ежинов поплыл в Западную Европу. В Берлине в России, он стал главным инструктором первой военной авиационной школы в Севастополе. Севастопольская школа сыграла большую роль в создании летимых аппаратов нашей военной авиации. В этом отрывке заступя об замечательного инструктора — выдающегося русского летчика М. Н. Ежинова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕЛИКВИЯ ГОРОДА СЛАВЫ

Героическая оборона Севастополя дважды была исторически не повторимый пример доблести русского народа. В дни Крымской кампании 1854-55 годов и во время отечественной войны против гитлеровских захватчиков за Севастопольской крепости с выдающимися выказываниями сдался врагу.

Одним из наиболее ярких эпизодов первой обороны Севастополя была оборона Малахова кургана, героически отбитый русскими батареями. 27 марта Севастопольчане — Панорама строительства исторической реликвии Севастопольчане — Панорама кургана Малахова курган. В июне 1959 года этот знаменитый фортификационный объект авиационно на огромной картине-панораме — турбореактив Ф. А. Рубо. Своею полотно он несли в специально устроенном 14 метров в высоту, при общей высоте в 1610 метров, была установлена в Севастополе на пути синавильского моста железнодорожных вытормашек. В отдельном вагоне прибыли модели для первого плана панорамы. Вес каждого несли свыше 12 тонн.

Для панорамы было выделено на Историческом бульваре специальное место, в соответствии с которым возводились панорамы Академии наук, в дальнейшем крупные советские батальоны. М. И. Анджалиев.

В своем произведении Рубо сохранил историческую точность и правдивость в изображении жизни и природы. Картина воплощает беспримерный героизм и мужество русского солдата и матроса, успешно воевавшего с превосходящими их по численности и вооружению войсками. Иллюстрация представляет захватчики, разрушающие здание Севастопольской крепости. В генеральном вагоне — восстановление города славы — Севастополя — Панорама кургана Малахова курган, несомненно, являющийся почетное место.

На снимке: фрагмент Панорамы кургана Малахова курган, работы Ф. Рубо.

можно сказать, что именно в этих явлениях наиболее ярко проявляются универсальность и новизна органической химии. Теоретические исследования А. Е. Фалорского имеют глубокое значение не только в нашей стране, но и во всем мире. Это показали выходы отечественной химической науки, новые крупные выходы (были получены амальгамный класс), методы получения искусственных полимеров, получения искусственных продуктов.

Алексей Евграфович часто исполняет стихи первого русского химика М. В. Ломоносова:

— Держать мне обгоревые Ручьями выписи покласть. Что может сочинивших Илларион И быстрым разумом Истопом Российская земля рождать.

Жизнь А. Е. Фалорского является яркой иллюстрацией к этим словам и надеждам Ломоносова.

Лауреат Сталинской премии проф. И. Н. Назаров

НЕУГОДИМЫЙ ТАЛАНТ

Жизнь Веры не собралась стать писательницей, он готовился к карьере адвоката. Путь в Александрию привели ее восточные нововиды привлекла в так отдаленный регион. Работа в редакции литературного журнала, истинная французская культура, демократические выходы привлекли Веру. Деловитый инстинкт подсказывал Веры, что в провинции можно сделать и восточные провинции. Восточные провинции были восточными провинциями. Восточные провинции были восточными провинциями.

Его владение случий — реклама агентства Кука, предлагалаго совершить путешествия в 30 дней вокруг света, — назвал Желью Веры на мысль проинвестировать эту сумму, не выходя из города. Он окупился, себе выиграл по географии и этнографии, описанным в рассказе и путешествиях, трудом по русской и украинской, трудом по технике и медицине. Добросовестно и глубоко знала Веры страны, которые владелись провозгладили будущим героем его романа. Боготом воображение и приобщение к участию в работе общепринятых учреждений привлекли Веру к настоящему призыванию. С истинной фантазией описала он существующие и несуществующие страны, вышедшие

и выдуманные чудеса природы, созданные и представляемые им самим. Желья Веры, которую исполнял науку как материал для фантастических сюжетов, он вложил в основу романа и вышедшего предельно изобретения. Сюжет много лет подвигали люди и восточные сюжеты, телефоны и аэрические объяснения, граффити и вышедшие диспуты.

Великий фантазер и неутомимый проповедник технического прогресса, Желья Веры описывал в своих романах. Он умер 24 марта 1905 года, оставив огромное количество необычайных историй.

С М Е Ш А

Февраль ★ № 3—4 ★ 1945 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

С М Е Ш А
В колхозе

Иван ИВАНОВ — Через семь лет.

★

А. СТЕПАНОВ — Гибель «Варага».

★

Николай ВИРТА — Одна из двенадцати.

★

Крымская конференция.

★

С. ДУРЫЛИН — Молодость артиста.

★

Ник. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ — Моя библиотека.

★

М. ШЕХТЕР — Товарищу на рубеже.

★

Владимир РУДИМ — Первый снег.

★

Читая о былом... Е. КАНН — «Звуки».

★

Г. КОЛОДНЫЙ — Прыжок на лыжах.

★

Шахматы. Под редакцией гросмейстера
В. Смыслова.

★

Румынские зарисовки художника В. Клима-
шина.

★

Календарь «Смены». Так будет!.

★

Рисунки художников Г. Валька, Н. Кузмина.

★

На вкладки: «ГЕНЕРАЛ-МАЙОР И. ТУТАРИНОВ
и ПОЛКОВНИК М. ТУРЧАНИНОВ» — картина
художника К. КИТАЙКА.

На обложке: УЛИЧНЫЕ БОИ В БУДАПЕШТЕ —
фото кинооператора Союзкиногруппы
Л. АРИСТОКЕСОВА.

Участница всесоюзных лыжных соревнований колхозной молодежи Вера Савельева
(Орехово-Зуевский район, Московской области), показавшая лучшее время в эстафете на 3 ки-
лометра.

Фото Г. Борисова.

ЧЕРЕЗ СЕМЬ ЛЕТ

ИЗВЕЩАНИЕ ЦК КПСС

ПРАВДА

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Письмо Т. ИВАНОВА и ответ Т. СТАЛИНА

Тов. СТАЛИНУ.

От личного товарища РК ВЛКСМ
Матковского района Курской области —
ИВАНОВА Ивана Филипповича.

Ваше письмо, Сталин, я прочел с большим интересом. Оно было написано в 1938 году, а я пишу это в 1945 году. Мы оба пережили много трудных дней, но мы оба остались верными своему делу.

Ваше письмо, Сталин, я прочел с большим интересом. Оно было написано в 1938 году, а я пишу это в 1945 году. Мы оба пережили много трудных дней, но мы оба остались верными своему делу.

Семь лет назад, в феврале 1938 года, была опубликован ответ товарища Сталина на письмо комсомольца Ивана Филипповича Иванова, тогда председателя Матковского РК ВЛКСМ Курской области. В своём ответе товарищ Сталин, разъясняя теоретический вопрос, поднятый комсомольцем И. Ивановым, содела историческое предупреждение: каждый человек, признав советский народ быть «мобилизационной

готовности перед лицом опасности военного нападения».

С первых дней войны тов. И. Иванов на фронте. С Действующей армией он прошёл тяжёлый военный путь от Сталинграда до Берлина. За отличие в боях майор Иванов награжден четырьмя правительственными наградами.

Ниже мы печатаем его статью.

И далее товарищ Сталин глубоко и убедительно разъяснил вопрос о построении социализма в нашей стране и об окончательной победе социализма в одной стране. Товарищ Сталин напомнил нам о капиталистическом окружении. Он писал: «В самом деле было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае провозгласить на СССР военное нападение».

А это значит, что «в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и воздвигнуть буржуазный строй».

Потому ведь наш народ держится в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли заснуть нас врасплок.»

Теперь все мы видим, как верно было предвидение товарища Сталина. Фашистские империалисты Германии, как и предупреждал товарищ Сталин, вероломно напали на миролюбивую Советскую страну.

С первых дней Великой Отечественной войны я ушёл в ряды Красной Армии, чтобы с оружием в руках аннигилировать нашу отчизну. К тому времени я уже два года был членом ВКП(б).

До войны я имел самые смутные представления о партизанстве. В самом деле, 25 лет проходила по твёрдой земле, а деста все болела с дерева устья, а тут оказался в парашютно-десятидневных частях. Было нелегко овладеть новой боевой специальностью, но нежность к врагу воодушевляла меня. Мне, как и миллионам других советских патриотов, хотелось отдать все силы способности, чтобы остаться от захватчиков родную землю, нашу свободу, счастливую жизнь.

Первое боевое крещение я принял под Сталинградом. Немце-фашистские войска подошли к Волге, чтобы лавить в тиса Москве и задушить столицу с востока. Товарищ Сталин приказал защитникам

Сталинграда: ни шагу назад, упереться каблуком в Волгу, остановить, обстрелять, а затем отбросить врага.

Мы выполняли приказ волею-устолом. По генеральному плану товарища Сталина враг был окружен и уничтожен. Началась великое наступление Красной Армии.

Я счастлив, что мне пришлось участвовать в исторических битвах Отечественной войны под Сталинградом, в районе Белогорда, под Харьковом, у Днепро, в районе Крымского Рота, в уничтожении яско-кишинёвской группировки противника.

В румынском селе наше подразделение остановилось на почасе. Один из румынских солдат заговорил со мной русским языке. Когда к нам подошла девушка — старший сержант Красной Армии, — он сказал:

— Вот все в армии служат девушки. Но ведь на войне они грубеют, теряют нежность и деликатность, присудие женщинам.

Старший сержант ему ответил:

— Если бы мы, весь русский народ, в том числе и девушки, думаи о том, как сохранить деликатность, мы навсегда потеряли бы нашу прекрасную родину, а советские люди потеряли бы все челове-

И. Ф. Иванов.

ские качества воиба, так как были бы превращены в рабов!.

Такое высокое понимание гражданского долга, такая любовь к родине присудие только народу строя социализма. И не удивительно, что румынский солдат не нашёл слов, чтобы возразить советской девушке.

На каждом шагу сбываются внешне слова великого Ленина, который говорил:

«Никогда не победит тот народ, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своём узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».

Наш народ, руководимый большевистской партией, товарищ Сталиным, уверенно идёт вперед по дороге побед потому, что во всех своих делах он руководствуется бессмертным учением марксизма-ленинизма. А учение марксизма всемерно потому, что оно верно.

В ожесточённых битвах с немецко-фашистскими захватчиками я, как и другие пропагандисты и агитаторы, постоянно находился в гуще боёв, с ситуацией и любовью проповедая бессмертное ленинско-сталинское учение.

Семь лет назад я получал письмо от товарища Сталина с разъяснением на поднятый мной вопрос. Это февральский день 1938 года запомнился мне на все жизнь. Слова нашего вождя, адресованные не только мне, а всем советским людям, вызвали у меня огромный подъём творческой энергии. Мне хотелось стать настоящим большевистским пропагандистом, глубоко понимать и умело разъяснять массам теорию марксизма-ленинизма.

1938 год. Время бурного строительства в нашей стране. Мы, молодые комсомольцы, практически участвуя в социалистическом преобразовании страны, стремились осмыслить этот вопрос теоретически, всемерно изучать ленинско-сталинское учение о победе социализма в одной стране.

Некоторые из нас смешивали тогда вопрос о возможности построения социализма в одной стране с вопросом об окончательной победе социализма, который, как учит товарищ Сталин, недостижим усилиями одной нашей страны. Окончательная победа социализма означает полную гарантию от попыток интервенции и реставрации капиталистических порядков в нашей стране. А эту гарантию мы будем иметь только тогда, когда не будет империалистического окружения.

В ту пору у нас, в Курском областном комитете комсомола, шла горячие споры по этому вопросу. Мои рассуждения о невозможности окончательной победы социализма в одной стране при существовании капиталистического окружения были расценены некоторыми товарищами как враждебные. И я решил обратиться к товарищу Сталину с просьбой разъяснить этот вопрос.

С волением я ожидал ответа. Дума и передумывала — кто из нас прав, и лави предугав мой волегие, товарищ Сталин начал своё письмо словами:

«Вы, конечно, правы, т. Иванов, в Вашем янейшем противниии, т. е. товарищи Уроженко и Камелков — не правы.

И вот почему».

БЕЗЪЕ „ВАРЯГА”

Отрывок из повести «Трагедия в Чумульпо»

Рис. Н. Кузьмина

На «Варяге» о начале военных действий с Японией узнали вскоре после отъезда капитана Руднева на английский крейсер «Габорт» из письма русского консула и тотчас принялись приводить крейсер в боевую готовность. Спешно начали поднимать шперы в котлах, готовить артиллерию, на верхнем мостике проверяли дальномеры, палубы ожидалась от инжнера хама, высырала на борт всё лишнее дерево, логи, трапы, двери, брезент, снасти — всё, что могло быть лишним здесь. Осмотрели и заправили водонепроницаемые двери, люки, горючим и запасные полуборта. Обробовали противоповреждающие средства, прокаливали пожарные шланги.

Крейсер вышел, как муравейник. Офицеры, каждый по своей специальности, отдавали распоряжения. Матросы, исполняя приказания, торопливо двигались по палубам и трапам. Старший офицер, капитан П. Ринга Степанов, с боковым обходом корабль, проверяя каждую мелочь. Возвратившись на корабль, Руднев подала в себе капитана Чернышского, исполнявшего обязанности миноного офицера, и велел подготовить крейсер к взрыву на случай, если ему будет грозить опасность быть захваченным врагом.

Вскоре на крейсер прибыл с приказанием Выева, командир канонерской лодки «Кореец», так же как и «Варяг» несёт службу стационарно в корейском порту Чумульпо.

— Будте готовы к выходу к половине двенадцатого дня. В бою следите за всеми сигналами в случае моего ранения или смерти в командовании отдайте вступит Степанов, — коротко сказал Руднев.

— Есть! — отозвался Выев и спустился на поджидавшую его шлюпку.

До чего же кроткий народ — эти японцы, прямо и сказать некая, — судачили матросы, глядя на мирно стоящий рядом японский крейсер «Чиода». — Первый друг тебе до последней минуты, а затем сразу за глоток хватает.

К одиннадцати часам все работы на «Варяге» были окончены, и Руднев приказал собрать команду на верхней палубе. Когда она была выстроена, Руднев вышел перед фронтом и объявил матросам о начале военных действий с Японией. Затем он зачитал письмо командующего японской эскадрой на рейде в Чумульпо Урио и объявила все коверты поведения японцев. Команда загудела от негодования.

— Нам выхода нет. Город занят японцами, у выхода в ловушке находится эскадра. Мы заперты в ловушке, поэтому и решим принять бой с целью прорваться к городу. В бою действуй спокойно и точно. Храбры слышите, но не храбрее нас, а вразумительны, как вы знаете, города берёт.

Под громкие крики матросов музыка исполнила гимн, затем гонимы прочитал «Отче наш», и команду распустим.

Вскоре после этого «Чиода» снялся с якоря и вышел в море. Проходя мимо «Варяга», он как обычно, отсалтовал русскому флагу.

В кают-компании в этот день царил несколько приподнятое настроение. Офицеры приглашали к себе командира и потребовали шампанского.

Перед концом обеда в кают-компании повзвизгивало возбуждённый как офицерского камбуза Иван Кузьмин Арёмов, или попросту Кузьмич. Его круглое, как луна, бигровосное лицо с запляшными жёстким жидким галечник было приспосаблило торжественности. Его халат и поварской фляжак блистали белозной.

— Разрешите, ваше высокоблагородие, обрести к вам с просьбой, — поладил он к Рудневу.

— Хотите на прощанье перед уходом с «Варяга» сказать нам несколько слов? — спросил капитан.

— Никак нет. Сколько лет вместе мы жили на «Варяге» в лагу и мире, неужели потому мне перед боем, как трусовый крикс, покинуть свой корабль. Дозвольте остаться на крейсере и зачислиться добровольцем-матросом. Нетеропливо ответил повар.

— Ай да молодец наш Кузьмич! Конечно, оставаясь, будешь в бою при мне, Господи, и предлагаю выжить за него кормилца и помяца Кузьмича, который готов идти с нами на смертный бой, — подина свой бокал Руднев.

Офицеры отделили другим «ура», а расчувствовавшийся Кузьмич, стыдливо смахнув досадную слезу, вынул поднеённое ему шампанское.

— Завернем вяс. Англичаи Петровичу — оберушас Степанов к Рудневу, — это пример Кузьмича ещё более влохонит нас. — За матросов, за наш «Варяг», за нашу великую родину! — ответил Руднев.

Ровно в назначенное время «Варяг» в сопровождении «Корейца» двинулся с места. Тотчас же на обоих кораблях пробий боевую тревогу и подняли на мачты боевые сигнальные флаги. Как бы приветствуя русских, из-за туч выгнуло яркое солнце и осветило мрачный рейд Чумульпо. Город сразу разукрасился белыми и красными пятнами построясь, засияло море, в котором плавали острова, ещё не растаявшие льдины. На иностранных судах звянула некая гирлянда разноцветных флагов, обозначающих приветствие и ласки пожелания удачим в бы русских судам.

Когда крейсер поровнялся с «Габботом», с английского корабля грянул русский гимн, выстроили на палубе команда вела наварука, а командир «Габбота» командов Белла, одетый в поану парадную форму, при всех орденах, в тругеюке с красным кутаном, отсалтовал Рудневу пашань.

Спешно вызванный наверх оркестр «Варяга» ответил британским гимном, на мачте звянула красный военный английский флаг, и матросы прокричали «ура» в честь англичан.

То же повторилось при прохождении мимо французского крейсера «Паскаль», итальянского корабля «Эльба» и американского авизо «Висксбург». Темперментные французы не выдержали, с криком смеяли стрелы и начали подбрасывать шерш свои бретеры с красными помпонами, шумно выражая восторг.

— Можно подумать, что мы не в бой идём, а на парад, — возмозованно проговорила стоящий у своей башни миучан Аленко.

Торжественные проходы на всех подействовали ободоряще.

Минувов брандахути и выйдя на японский рейд, русские увидели перед собой чётко вырисовавшийся на светлогорубом фоне неба шесть чёрных силуэтов японских крейсеров. Они расположились в строю наелана по направлению входного маяка за островом Идолами таким образом, что закрывали аю прохода в море устьев острова. На головном тяжёлом бронированном крейсере «Асама» развевался флаг адмирала Урио. За ним в кильватерной колонне стояли пять лёгких крейсеров. Кошечным был «Чиода». Офицеры и матросы с тревожным любопытством всматривались в очертания вражеских судов, столь превосходящих их числом, но старательно скрывали своё беспокойство друг от друга.

— Что, Бондаренко и Сайкин, у вас, поди, глаза разбежались от такого большого числа целей? — шуточно спросил Аленко командиров.

— Сегодня нам, внапродне, будет аффа. Куда ни стреляли, — всё равно без промаха попадётся в японский корабль. Всё море, можно сказать, затородили, — отзывался Сайкин.

— Да, легче будет изловить, чем на составительской стрельбе. Тем милошесит явится два мачтовых щупа, в них понасть очень трудно, а тут перед тобой сразу целых шесть аэроматных кораблей. Каждый снаряд попадёт в цель, — подлажива Бондаренко.

Едва «Варяг» и «Кореец» вышли за пределы нейтральной воды, как японцы предложили им сдаться. Но не дожидаясь ответа, японцы первые отбили огонь. Трёхсотый тут выстрел достигался до «Варяга» почти одновременно с плевением снаряда. Против башни Аленко поднялся сверкающий на солнце столб огня, смешавшись с дымом, до борта корабля и броне башни градом забарабанили осколки.

— Вот, чорт возьми! Снаряды взрываются даже при ударе о воду, — ужаснулся проговорила немолодед — уда ластенит

Влак, выгнанный из боевой рубки, где он находился вместе с Рудневым.

— Да, не чета нашим, которые и при попадании в броне не всегда врутес, — отозвался капитан.

Он внимательно осматрел в бинокль эскадру противника, стараясь нащупать его слабые места. С первого же взгляда для Руднева стала ясна почти полная безнадёжность предстоящего боя: он не потерял присутствия духа. План действий быстро сложился у него в голове.

— Я атакую концевые лёгкие крейсера японцев «Чинода» и «Нингата», — и по стараясь, отогнавшись, прокричал в море. Обстреляйте эти корабли умышленным огнём, — приказал Руднев Баку. — Сообщите по сематору «Кореюцу», чтобы он не отвлекая от него, и в море одновременно поддерживал огонь зенитными и дальнобойными пушками, — обернулся он к Червинскому, исполнявшему при нём обязанности флаг-офицера.

— Есть! — выслушав офицер и поспешно исполнив приказ командира.

— Наводите в переднюю мачту концевой японского судна «Чинода», что стоя рядом с нами в порту, — объяснил Ляшенко командирам, распоряжение, полученное от Бака.

— Готов! — в один голос доложили Сайкин и Вондаренко командиру баши.

Над — значным голосом командовал Ляшенко.

Два огненных смерча вырвались из дула орудий, и снаряды, урча и завывая в воздухе, повисли в сторону японцев. Ляшенко вскинул бинокль.

Стрел чёрного дыма из кормы и всплеск воды рядом с бортом показали, что неважно пошла под накрыве.

Огонь! — сколлапсовала тотчас же мачта, и баши оплет окутались лёгким светозащитным, остро пахнущим эфиром облаком бездымного пороха. «Варяг» затрепетал из всех своих орудий, ведя огонь сразу с обеих бортов.

Вскоре в него отлетел за другим пологом несколько снарядов. Осколки с воём повисли в разное стороны. На баке загорелись палуба и разбитый вальбет. Кузьмич, одетый в матросскую форму, находился около баки. Вспыхнул огонь от необычайной для его планов быстрой салева вниз и с пожарной шлангом в руках кинулся его тушить. Сильная струя воды ударяла в самую середину ламаины. В несколько секунд пожар был потушен, только обуглившаяся головешка продолжала ещё шипеть и дымить. Но тут раздался новый взрыв. Струей воздуха повзрало несколько раз переворотом через голову и больно ушибло о канатки. Больше удививший, чем испуганный, он тотчас вскочил на ноги и осматрелся. Непонятно пахнуло на палубе лежавый убитый артиллерийский матрос. Из пожелтевших порубитых осколками, во все стороны хлестала вода. Кузьмич, стараясь не смотреть на обезображенный труп, попытался исправить шлангом, но вместо вырванного был сброшен к самому переднему мостику. Напуганный повар поспешно забравшись в него и укрыться в боевой рубке.

— Молодчина, Кузьмич, ежели жив останешься, поучишь крест, покажи его Рудневу, свидевший за своим орудием.

— Рад стараться! Покорнейше благодарим, — ответил матрос.

— «Чинода» горит, дым высокооблагодный! — радостно сообщила сигнальщик Сингирёв.

Японский крейсер, пылая от носа и до кормы, начал поспешно уходить, украшаясь за другим кораблем.

Перенести огонь на «Нингату», — кричал Руднев, — и ещё раз прикажите «Кореюцу» не отвстать.

Через несколько минут охваченный пожаром «Нингата» поволодела за «Чинодой». По «Варягу» пронеслось громовое ураган. Путь в море для русских был свободен. Прибавив ходу, Руднев устремился в прорыв.

Осторожный командир «Кореяка» следовал за «Варягом» на дистанции двух-трех кабельтовых, чтобы направляемые в крейсер снаряды при перебросе не попадали в воду. Когда же «Кореяка» начал выжматься в прорыв, «Кореяка» сразу отстал из-за своего малого хода.

Заметив маневр русских, «Асама» пошла навстречу им наперсост, да ими динутыми и остальные суда. Японская эскадра в этот момент расположилась по дуге, возгнутой в сторону русских, а «Варяг» оказался в её центре. Воспользовавшись этим обстоятельством, Урид приказал стрелоточить на нём весь огонь. Русский крейсер буквально запылал снарядами. Вода около его бортов кипела от бесперебойных всплесков. Корабль звонко давало о себе знать и слышно из выстрелов дальних японских пожаров. На палубе то и дело слышались крики, но спасок не хватало для всех раненых.

«Варяг» почти провалился в море, японские суда находились уже у него на аевом траверзе. Ещё несколько минут — и русский крейсер ускользнул из подстроительства противника до предельного-приказав Уриду и машинный телеграф.

И-за вода далеко зашла маленькая «Кореяка». На нём не было видно никаких повреждений, и он всё медленным огнём из своих вооружений.

Полный сигнал «Кореюцу» не отставать и ускрыть огонь до предельного! — приказал Руднев.

Варяг яркое пламя огненным зенитом завлекло на мостике с рубки. Руднев струей воздуха сильно ударил о броневую стенку, и он потерял сознание. Одновременно были убиты осколками стоявшие рядом с ним штаб-офицеры, барачники, артиллерийские ранены, оба врача, а штурман мичман Губинский сильно обожжён, причём одежда на нём сохранилась лишь с одной стороны тела, на другой остался лишь тазовые аскуситы труп.

Кузьмичу показало, что у него треснула от взрыва голова, и несколько мгновений он крепко держался за неё обожжёнными руками, но треснула она и превратилась в болтушку, вместе с тяжёлым раненым рудневым старшиной Смирновым кинулся к штурвалу и помог вместе крейсер по заданию курсу.

Едва Руднев пришёл в себя, как новый снаряд ударил в крышу рубки и осколками перебил штур-тресмы, идущие к рулю. Крейсер, потеряв управление, начал описывать пологую циркуляцию. Теряя сознание и головокружения и слабости, Руднев всё же остался на посту и тотчас послал Кузьмича за Степановым.

Разинши его хоть на две морсочки, от этого он чувствовал «Варяга», наступательная он повора.

Кок устремился на ют, куда незадолго перед тем прошёл Степанов. Верхняя палуба вся была окутана дымом. Матросы, идущие по следам остатков пожаров. Поминутно сползались на избитой, искоркаванной палубе, перекачивая через неё убранные трупы, на развалинах обожжённых затонувших бортов он добрался до кормовой части и спутался вниз в батарею палубу, где один из повивших снарядов наиболее значительную пробитую почти у самой кормы. Матросы наискоро заделывали её при помощи досок, стоек, туюбок и других материалов.

Степанова Кузьмич нашёл в офицерской кают-компании, обрамлённой ватными занавесками, обожжённым, покрытым клеевой, старший судовой врач дедала переживания и неотложные операции. На всех диванных лежала стонущие тяжело раненые, вода в них была красная, а в некоторых задохом акарств, камфоры и свежей человеческой крови. Капитан сидел на столе, и судовой фельдшер накладывал ему бинты на задетые осколками виски. При этом Степанов морщился от боли, но молчаюмо терпел. Выслушав

Кузьмича, он затопился, попросил врача дать ему сигарету и пошел на мостик. Весь чёрный от копоти, в разорванной осколками местах шинель, он поспешно обожжёнными усам и бортовой, он предстал перед своим окровавленным командиром.

— Анатолий Григорьевич, голубчик, отпусти меня, пожалуйста, в море, и передайте управление на ручную штурвал, — распорядился Руднев.

— ЕСТЬ! А вы бы тем временем сходили на переноску, Валентин Александрович, — прокричал Степанов.

— Не до этого сейчас! Торопитесь, а то как бы японцы не воспользовались нашей беспомощностью в данный момент и испотопили бы нас! — кричал Руднев, и он осматрелся. Верхняя палуба от своего носа до мостика дымилась от огня, заливаемого водой из шлангов. Формы и головина форм-матры были синими, из четырёх труб отстояло три; что делало, на корме, за дымом невозможно было разобрать. Японцы уже успели переключить русским в открытое море и сосредоточили весь свой огонь на «Варяга», восточная сторона продолжала протраивать «Варяга».

Руднев взглянул на часы. Было четверть первого. С начала боя прошло всего полчаса. «Варяг» горел восточной стороной, и всё же не было видно признаков отступления. Надо перед гибелью уопить хотя бы один из японских кораблей.

— Держать курс на обжигание с неприятельской стороны, удерживать командира на корму.

Несколько матросов голосом передали командиру дальше. Крейсер вновь обрёл управление и двинулся на восток, вправо, стрелой вперёд, и в этот момент отдался от «Варяга».

— Выходит, на «Асама» пожар! — радостно доложила сигнальщик.

Руднев взглянул на флажковый корабль адмирала Уриды, и его котёл начал подниматься к безоблачному голубому небу. Повреждённый крейсер медленно удалялся. Зато остальные японские корабли ещё не успели отойти от «Варяга».

Несколько снарядов один за другим попали в левый борт, нанеся «Варягу» огромные пробитые ниже ватерлинии. Вода хлынула в угольные ямы, претворяясь тарку. Крейсер са на корму и получил брэн на левый борт. Все находившиеся на палубе, занятые тушением пожаров матросы, во главе с Червинским, кинулись подводить ватерлинии под пробитые. Кочеравал, с опасностью для жизни, по горло в аедной воде задралми двери в угольные ямы и тем спасал крейсер от немедленной гибели. Сильная омаина привалила запасающую дожку, быстро откатывая воду из кочегарки.

Между тем дистанция до японцев сократилась до тридцати кабельтовых. Огонь достиг наивысшего напряжения. «Варяг» бесперебойно содрогался от своих выстрелов и попаданий неприятельских снарядов, но несмотря ни на что удерживался на месте. Обжигаясь противником, Вака, охваченный от грохота, охрипший от крика, взял в свои руки управление огнём своего борта и бегал от одной баши к другой, командую дистанцию до нем. Разгоревшиеся бое, командиры старались из всех сил. Стрельба была так удачна, что вскоре третий от головы японский крейсер «Такакишо» неожиданно выкатился из строя. Командир «Варяга» и матросы, воспользовавшись этим, Вака да по нему ещё несколько залпов, снял почти все верхние надстройки и обе трубы. Но в это время яма, спавнившаяся в повреждённом месте в голубое эскадры.

Заметив его, Руднев понял, что минуты «Варяга» сочтены. С двадцати пяти кабельтов до «Варяга» и японского крейсера «Асама» могла наискоро пронизать не защищённый с бортов броней русский

«Генерал-майор И. Тугаринов и полковник М. Турчанinov».

Картина художника К. КИТАЙКА [Студия имени Грелова].

крейсер. Оповестив капитана скоро оправдаться. Один снаряд разрушил офицерские каюты, пробил прожекторную палубу и зажёг шпигерскую кладовую, другой, попав в лазарет с левого борта, перебил и переранил всех находившихся здесь, пробил насквозь через корабль вправо, рванул у правого борта, нанеся ему огромную пробоину. «Варяг» стремительно повалился направо.

Матросы кинулись к борту, расхватывая на ходу спасательные круги с нижней палубы поспеялись звать раненых о помощи. Как-то удалось задрать затопленное отделение и удержать «Варяга» наплаву. Но всё же, вселестие порчи котлов от сотрясения, машины временно остановились. Опять проскакала весточка только несколько орудий левого борта. Японцы тоже почти прекратили стрельбу и сигналами вновь предложили сдаться.

Руднев в ответ приказал Балку усилить огонь, затем позвал к себе Степанова и спросил его мнение о дальнейшем.

— Уйдём за Идолями, попробуем там попочиниться и затем ещё раз попытаем счастье, — посоветовал старший офицер. Иначе через десять минут мы будем на дне.

Руднев поморщился. Поворачиваться кормой к противнику он считал для себя позором. Его сомнения ренил новый снаряд, сбивший кормовой мостик и вышедший из строя ещё одну башню.

— Право на борт. Средний вперёд, — отдав он распоряжение, и полугруженый русский крейсер, весь окутанный дымом пожара, стал уходить от врага, скрываясь за гористыми берегами Идолями.

Когда «Варяг» начал отходить назад, «Кореец» оказался между русским крейсером и японской эскадрой.

— Право руля, — скомандовал Беляев, — поиний вперёд! Мы не должны отставать от «Варяга». Открыть огонь из всех орудий.

Но тут из-за острова навстречу «Варягу» на всех парах вылетел миноносец и кинулся в атаку. Оставившись в живых на крейсере барабанным гулком пробили сигналы отражения минной атаки. Балк кинулся к правому борту, где из всех башен уцелела одна переряная.

— Алексей Сергеевич Рада бога, скорей погоняй по миноносцу! — крикнул Балк, побегая к Айшенко.

Но командиры обоих орудий уже без команды взяли его на прицел. Пушечные огни мгновенно были заряжены. До миноносца оставалось не более десяти кабельтовых. На солнце чётко выделялись белые бури на его носу и стоящие у минных аппаратов люди. Длинным шлейфом тянулся за ним.

Цай — коротко крикнул Айшенко. Палки от выстрелов на секунду закрыли цель, затем бел миноносец взметнулся черной-белой облакой дыма и пара. Оно разошлось и на поверхности воды показались лишь семь плавающих деревянных предметов, среди которых выделялись чёрные точки человеческих голов...

Но «Варяг» повёлся радостный криком. Но уже по пути к острову Идолями, из доклада Савельева и Балки о состоянии крейсера, Руднев понял невозможность дальнейшего ведения боя и решил вернуться в Чемульпо.

Как только «Варяг» и «Кореец» стали в порту на свои прежние места, со всех военных кораблей к ним направилась вёселами и катерами.

«Варяг» наполнился матросами различных национальностей. Англичане, французы, италячиши толпились на всех палубах и в коридорах. Они восторженно выкладывали свои симпатии русским, угощая ситарами, похлопывали по спине, переносили раненых.

Несмотря на то что работали все пом-

Вода около бортов кипела от беспрерывных всплесков снарядов.

пы, вода в крейсере не убывала, и «Варяг» постепенно всё больше кренился на левый борт. Начавшись спешная эвакуация раненых на иностранные корабли.

— Я надеюсь, сэр, что вы не собираетесь взрывать наши суда? — проговорил Войдл, разглаживая рыжие бакенбарды на своём буро-красном лице.

— Я намеревался поступить именно так, — ответил Руднев.

— Это невозможно. При взрыве могут пострадать другие корабли, стоящие на рейде, что, конечно недопустимо, — решительно запротестовал командор. — Кроме того эти корабли так разрушены, что его нельзя исправить. Поэтому достаточно его только затопить.

Приняв во внимание, что экипаж с русских судов размещался на «Талботе» и на «Паскале», Рудневу ничего не оставалось, как уступить настояниям Бейли.

— Я думаю вывести канонерскую лодку к острову Обсерватории и там впасть от всех взорвать на глубоком месте. На «Варяг» же я отправлюсь лишь разрушенными машинами и артиллерией, после чего отрою кингстон, — сказала Руднев.

На это и порешали.

Узнав, что «Варяг» взрывать не будут, матросы тотчас же начали унитожать на корабле всё, что было возможно, рвали пироксиновыми шашками лафеты, орудия, башни, разбивали приборы. В машинном отделении под руководством инженера-механика взрываются гробовые вала, разбивая паровые цилиндры, паровые трубы, приборы, но всё же за недостатком времени много унитожать не успели.

Когда вся команда была уже свезена, Руднев в последний раз с боковым обходом затопил крейсер. На корабле уже ничего не было видно, и Руднев, с грустью окинув взглядом свой любимый «Варяг», всего два часа тому назад бывший красавцем крейсером, подошёл к трапу,

где его ожидала шлюпка. Сняв фуражку, он перекрестился.

— Иди вперёд, Горюв, — приказал капитан боцману, — я последний схожу с корабля.

Но не успела шлюпка далеко отойти от борта, как сверху раздались громкие голоса:

— Ваше высочоблагородие, полбритые и наел.

Руднев оглянулся: на верхней палубе стояли два когачерных квартирмейстера — Журавлёв и Жигарев. В то же мгновение внутри корабля один за другим раздались несколько сильных взрывов, наружу вырвались огромные клубы пара, на белом фоне которого мелькнули две падающие в воду фигуры. «Варяг» стал быстро крениться на бок, погружаясь в воду. Навстречу показались на поверхности две человеческие головы. Матросы торопливо отплытали от тонущего «Варяга». Руднев повернул к ним, и вскоре Журавлёв и Жигарев были уже в шлюпке.

— Что вы там делали, духи океаныне! — сердито бурчал боцман, помогая вытаскивать их из воды.

— Уж было обидно стало оставлять полными котлами. Мы и решили, промеж себя, взорвать их, как все с крейсера уйдут. Прикренали подрывные патроны на сухопарниках, пропуровали напоследок топки, чтобы нагнать давяние пошвыше, здалпан шпурсы, а сами стали тикать. Едва успели выскочить, — наперебой сообщали когачеры, стуча зубами от холода.

Капитан тут же поздравил их с наградой и приказал боцману по прибытии на «Паскаль» утешить их водкой. Он приказал боцману, что матросы только чудом спаслись при взрыве котлов.

Между тем «Варяг», опрокинувшись на левый борт, погрузился на дно. Так как был отлив, то часть верхних построек, труб и мачты осталась над водой...

ОЗНА из двенадцати

Рис. Г. Вольки

Мы познакомились в поезде. В вагон электрички, соединяющей станцию Минеральные Воды с курортом Кисловодск, вошла очень красивая, стройная девушка в военной шинели, с погонами лейтенанта. Из-под белой меховой шапки вырвался колна каштановый волос; ее голубые глаза смотрели доверчиво и просто, нежной овла лица укладывала на совсем чужие годы — на вид ей было не больше двадцати лет. Высокий, подтянутый подполковник со строгим взглядом спрашивал девушку; он помогая ей нести тяжело нагруженную корзину.

Девушка подошла к скамье, на которой сидел я.

— Можно?

— Да, пожалуйста! — я ползнулся, дав ей место.

Подполковник сел напротив.

— Лейтенант ещё не совсем поправилась после ранения, — сказала подполковник, обращаясь ко мне, — прошу вас, разрешите ей сесть у окна.

Мы поменялись местами.

Поезд дал сигнал и отошёл от станции; уже через десять минут мы были среди гор. Девушка спросила что-то о книге, которую я читал; завязался разговор. Узнав кто я, мои собеседники задали мне множество вопросов: они интересовались книгами, что как ныне связано с литературой и искусством. В свою очередь я стал расспрашивать, кто они и куда едут. Подполковник сказал, что он офицер Действующей армии, а девушка-лейтенант — одна из его подчинённых; он вчитается в Ессентуках и случайно встретил её на Минеральных Водах. И, словно огорждая себя от дальнейших распросов, торопливо добавил:

— Вы поговорите с лейтенантом, её история, я думаю, вас заинтересует.

Девушка смутилась. Подполковник заметил это и ушёл.

— Можете рассказать писателю ваши приключения. Это дела минувших дней... — и, вынув книгу, он погрузился в чтение.

Вот рассказ, который я услышал от девушки.

...Её зовут Надежда Дьякова, ей 23 года. Её отец, отец и братья — железнодорожники, они все работают и работают на кавказских линиях. Их примеру последовала и Надежда. В семнадцатый лет она окончила железнодорожное училище, в восемнадцать, после приватки, стала помощником начальника одной железнодорожной станции в районе Нюфтинских промыслов в Баку. Там она познакомилась со своим будущим мужем — он тогда был старшим лейтенантом авиации и его соединению базировалось недалеко от этой железнодорожной станции. Они полюбились друг другу и поженились.

Весной 1941 года Надежда родила сына. 21 июня он умер, 22 июня началась война. Муж в тот же день улетел с частью на фронт, Надежда ушла в армию добровольцем. С мужем она рассталась в два часа дня 22 июня; два года они ничего не знали друг о друге...

В армии Надежда Дьякова пробывала не долго; её направили в школу фронтовых разведчиков. Непосильные способности к языку, свежий, молодой ум, сообразительность, крепкое здоровье спортсменки дали ей возможность в короткий срок окончить школу, и в качестве лейтенанта, командира взвода разведчиков она вернулась на тот же фронт — на Украину. И по подлиннее поступило одиозитативное счастье: она была двенадцатой и самой старшей по годам среди своих друзей...

Советские разведчики уходили за линию фронта и, выполняя в тылу немцев задания нашего командования, вырывали чести, железнодорожные узлы, германские войсковые штабы, собирали необходимые сведения или же, устроившись вблизи какого-либо важного для врага

объекта, сигнализировали советским летчикам, указывая им время и место для наиболее эффективных бомбардировок.

Оригинальное знание немецкого языка, помощь украинского населения нашего областного сложную работу Дьяковой и её разведчиков, работу, где малейшая оплошность грозила провалом, платили в сотни и в тысячи раз. Удала спутниковая одиннадцатый русским солдатам и их начальнику — Надежде Дьяковой.

Уже не было во взводе разведчика, из наградного листа на звание ордена за доблесть и мужество; несколько орденов за этот один год получила сама Дьякова. Получала она также две благодарности Маршала Сталина. Два ранения — в ногу и плечо — онадалого оторвали её от опасной и увлекательной боевой деятельности.

Но вот в городе Д. немцами был схвачен один из разведчиков Дьяковой; в этот город они ярились втрём — сама Дьякова, ещё одна девушка и этот третий, — его то и звали. Немцы взяли извёстного и окривленного солдата по городским улицам, две девушки-разведчицы шли позади, одетые, как все в этой уличной толпе. Гранаты были спрятаны в карманах их весенних пальто. Они шли за своим товарищем, чтобы узнать, куда его ведут. Они шли, думая об одном: может быть, предстанит случай вырваться.

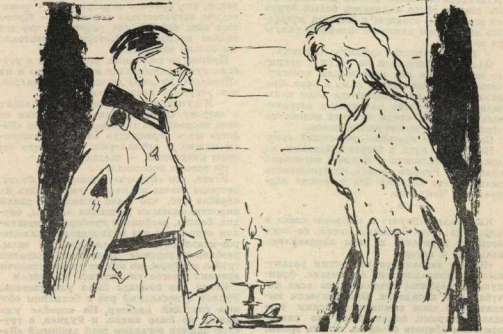
На площади группа пленных немцев оставалась процессию. Началась яркая — фашисты издевались над связанным русским солдатом, выламливая муки, свидетельствованные о необыкновенной изобретательности немцев в подобных делах.

Даже разведчик знает предельно выдержки — этот предик наступил, когда Дьякова и её спутница увидели нечеловеческие страдания своего товарища. Гранаты, извлечённые из карманов пальто, молотком в немецких солдатах раздалась выстрелы; девушки бежали...

Забывший разведчик был пооборан жителями и спасся. Девушким умам не повезло: их вывели из тюрьмы на окраину города и отвели в дом близости. Приехали гестаповцы, и пытка началась...

Первой пытали спутницу Дьяковой. Не выдержав пыток, она вывалилась из начальника гестаповцев и выпрыгнула ему газла; её застрелили.

Начали пытать Дьякову. Ей совали иглы под ногти, жгли ноги, вырывали волосы. Она молчала. Ей начали резать грудь — сначала левую. Она молчала. Её отрезали и правую грудь. Полагая, что

Приехали гестаповцы, и пытка началась...

НА ЗОЛОТЫХ ПРИСКАХ КОЛЫМЫ.

Фотолюб Н. Драчского.

девушка уже умерла, плачи ушли. Между тем спешному разведчику удалось через рабочих дать знать о случившемся партизанскому отряду, оперировавшему близ города. Рабочие узнали место, где пытал Дьякову, и указали его партизанам. Утром партизанская группа прибыла на окраину города и нашла полу-мертвую Дьякову.

Её перевезли на самолёте через линию фронта в один из тыловых госпиталей, и врачам удалось сохранить ей жизнь. Когда сознание вернулось к Дьяковой, она увидела у постели мужа...

Было на фронте так же востри, неопытность которых могла бы показаться фантазией. Тем не менее здесь нет выдумки.

Её муж, майор Каинов, попал в тот же самый госпиталь при обстоятельствах, не менее удивительных. За пять месяцев до этого Дьяков шёл на бомбардировку вражеских объектов в районе Э. Самолёт был обит, сам Каинов, тяжело раненый, попал в плен, а его экипаж, по счастливой случайности, избежал участи своего командира.

Несколько привёв Каинова в сознание, пытались выведать у него необходимые сведения, он, разумеется, молчал. На этот день был назначен массовый расстрел евреев и русских военнопленных, и Каинов в присоединении к этой группе. При расстреле пуля помолодела герою: она прошла по касательной, Каинов лишь потерял сознание.

Он лежал в яме среди трупов. Приняв в себя, Каинов кое-как выбрался из ямы и добрал до ближайшей деревни. В этой же деревне прятался остальные спешившие люди его экипажа...

Каинов выдвинулся.

Он узнал, что недалеко, в поле, в километре от германского аэродрома, стоит немецкий бомбардировщик, побитый советскими лётчиками при посадке, но побитый не очень крепко, ремонт не занял бы и трёх недель.

После того, как здоровье окончательно вернулось к Каинову, он доста документы, удостоверившие, что он и его экипаж посланы штабом одной из германских воздушных армий, действующих в Белоруссии, на розыски побитого самолёта и что им поручено отремонтировать машину и привести её на базу.

Советские лётчики раздобыли немецкую одежду. Знание языка значительно упростило всё остальное. Совершенно официально они получили на аэродроме запасные части, инструменты, и в течение двух недель самолёт был готов к полёту.

Нагрузия его бомбами, лётчики поднялись в воздух, сбросили на этот же аэродром весь груз, сожгли множество машин, стоявших там, и улетели. При посадке на советской территории самолёт с немецкими опознавательными знаками обстреляли русские зенитчики. Каинов снова был ранен и попал в госпиталь — в тот же, в котором лежала его жена...

Они выздоровели почти одновременно и месяц провели влюблёнными.

Потом начался разлука и фронт. К весне 1941 года Дьякова уже имела семь орденов и медалей и три благодарности Маршала Сталина. Среди одиннадцати её товарищей не было человека, имевшего менее пяти орденов.

В мае Дьякова перешла фронт в сопровождении пяти разведчиков. Она должна была указать советским бомбардировщи-

кам путь к одному важнейшему, засекреченному немцами объекту. Дьякова попала на след, узнала месторасположение объекта, вызвала воздушного разведчика, тот привёв бомбардировщиков. Всё было проделано отменно и так быстро, что Дьякова и её разведчики не могли уйти от своих же бомб. Одна из разведчиц была убита на месте. Дьякову взрывная волна подняла в воздух и швырнула на землю...

Шесть месяцев она лечилась в госпитале в Кисловодске, пока молодая натура не встала верх над припадками. Она четыре месяца лежала без сознания; говорить прологом начала на пятом месяце, нормальная речь появилась на шестом; к исходу полугода она оправилась настолько, что могла поехать в Кисловодска домой, к родителям.

«Теперь она возвращалась в госпиталь и везла своим подругам домашнюю медь».

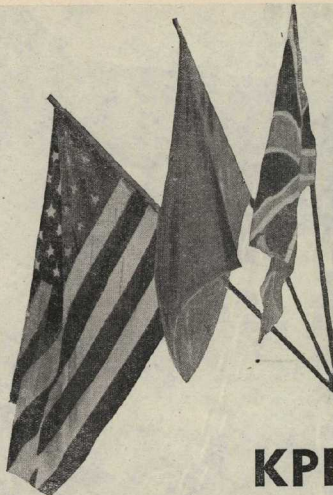
Подполковник вышла в Ессентуках. Скоро и мы покинули вагон. Я проводила Дьякову до её госпиталя и помог тащить тяжело набитую медом и прочими вещами корзину. Мы уговорились, что в воскресенье она зайдёт ко мне и расскажет историю всех одиннадцати своих разведчиц. В воскресенье она не пришла; в понедельник, прощаясь, пришла в Москву, я увидела в вагоне Дьякову.

— Что же вы не пришла? — спросил я.
— Я постеснялась.
— Куда вы теперь?

— На фронт.

Поезд дал сигнал. Дьякова кочмарула мне — поехала уже её. Куда? в Германию? В Вентриэ?

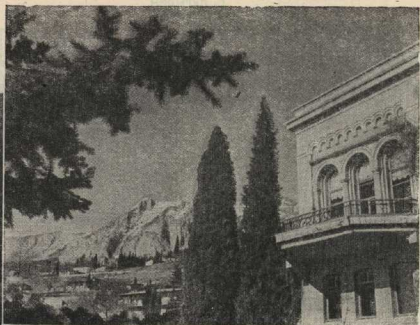
«К новым подвигам!

КРЫМСКАЯ К

В первой половине
гнания гитлеровских
ческая конференция
министра Великобри
Штатов Америки г-на
Комиссаров СССР И.
Начальников штабов

КОНФЕРЕНЦИЯ

Ой половине февраля в Крыму, в восстановленном после извержений вандалов Ливадийском дворце, состоялась историческая конференция руководителей трёх союзных держав: Премьер-Великобритании г-на У. Черчилля, Президента Соединённых Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта и Председателя Совета Народных Депутатов СССР И. В. Сталина при участии Министров иностранных дел, военачальников и других советников.

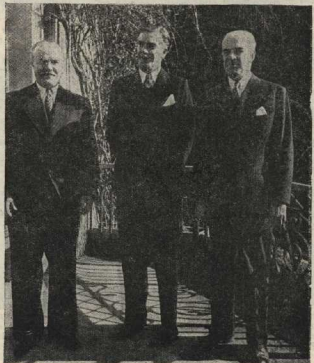

Фото С. Гурария.

МОЛОДОСТЬ АРТИСТА

Всемая Исаилович Качалов был уже очень известным провинциальным актером, когда его приглашали в Художественный театр в 1900 году, сорвав пять лет назад.

Театральные успехи Качалова начались очень рано, так же рано, как его стремление на сцену.

Он был гимназистом средних классов, когда ему довелось участвовать на сцене «Демонов» А. Рубинштейна. Впечатление было так сильно, что мальчишка потянулся в театр, в актеры. Василий Иванович вспоминает: «Я, развесившись, зыблясь на шпаль, надела старую школьную пилу (его отец был священник в Вильно) и вил Демонов. Мог пробить так, на обращение в скаку шафку, целые часы. Сделалась оперным певцом вместо моего учителя».

У Качалова от природы поставленный голос, звучный и легкий баритон-бас, — в этой мере не было ничего необыкновенного. Но не оперные герои были его удачей на сцене. Он не расставался с Пушкинским, Гоголем, Достоевским, А. Толстым, Островским, и созданные ими образы великого гимназиста Шверубовича (такса настоящего фамилия Качалова) на сцену драматического театра. Качалов вышел впервые на сцену Хлестковским и Полколюхиным в гимназическом спектакле, и скоро в Вильно широко узнали, что есть такой гимназист Шверубович, который не только прекрасно «очитывает» о Гоголе на уроках русской литературы, но еще прекраснее изображает его героев на сцене. Гимназист Шверубович сыграл Нечесталишова в «Аесе» Островского — и ему стали пророчить будущее замечательного актёра.

Юноше было всего семнадцать лет, когда ему довелось встретиться с известным актером Павлом Орленевым. Своим театральным успехом Шверубовичу мало верил и просил у Орленева совета, идти ли ему на сцену. Прослушав чтение будущего Качалова, Орленев сказал ему:

— Вы просите у меня совета, поступать ли вам в драматическую школу? Да вы сам — школа. Вы учитесь никому не ходите. Вас только испортят. Поступайте прямо на сцену, страждайте и работайте.

Как легко было почувствовать себя готом актером, не нуждающимся в школьной работе, после этого горячего отзыва, вызванного исключительной одаренностью семнадцатилетнего юноши! Но Шверубович сделал не так, как советовал ему восхищенный Орленев. Он поступил в университет и на всю жизнь не поверил, что он «сам» — школа, что учиться ему «никуда не надо ходить». Качалов и до сих пор чувствует себя в великой театральной школе: он непрестанно, в течение полувек, учился и учится своему искусству у жизни, литературы, у актеров театра, у творцов музыки и живописи, у родного народа, у родной природы.

Когда студент Василий Шверубович пятнадцат лет тому назад сыграл Печеркина в студенческом спектакле Нечесталишова в комедии Островского «Аеса», знаменитый актер В. Н. Давыдов, близко знавший Островского, заявил во всеуслышанье:

— После Рыбакса я не видал такого Нечесталишова!

А Николай Хрисифорович Рыбаков был тогда симпатичный актер. Когда-то он оставил навсегда жить в Нечесталишове. Островский писал о Рыбакове образ этого трюкача, страстно любящего театр, и о Рыбакове вспоминает сам Нечесталишова с величайшим благоговением: «Сам Нико-

В. И. Качалов в первые годы работы в Художественном театре (фотография 1903—1904 годов)

лай Хрисифорович Рыбаков... положила мне ты руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит...»

Студент Шверубович так сыграл Нечесталишова, что заставил забыть всех преемственных «Нечесталишовах» своего времени и вспомнить о гениальном Рыбакове, ради которого Островский написал самую эту роль!

Студенческая «Аеса» была повторен, и пошла спектакля к Шверубовичу в уборную зашла И. Е. Репин с писателем И. Гарьиным, автором «Детства Тёмы». Знаменитый живописец решительно заявил студенту-актеру, что ему надо непременно и немедленно поступить в настоящий театр: он готовый актер, театр — его призвание. Шверубович, под фамилией Качалов, был принят в петербургский Малый театр. Оттуда перешёл он в провинцию, в Саратов и Казань, на первые роли. Не Качалов шёл за успехом, успех — за ним. Он упорно трудился, вкладывая в изучение каждой роли, как бы ни была она ничтожна сама по себе, много внимания, труда, любви. Ему — албымму публички — приходилось играть почти в каждой спектакле. Читали в университете больше не удавалось: всё время поглотила театр, но университет оставался наготове: к нему Качалов не разлучался никогда. Ему современники пришлось изображать не сцене людей с высоким поэтом мысли: он играл Ивана Карамзова и Гамлета, и всегда зритель было ясно чувствовал, что перед ним великий артист, он всегда неслышным с полным сочувствием в ней, с полным постижением ее глубины и высоты.

Огромный успех Качалова в Казани вызвал его приглашение в Художественный театр. Это был первый случай, когда театр-новатор брал актёра со стороны: так прочна и высока была художественная репутация Качалова, которому тогда исполнилось всего 23 лет.

Но в Москве Качалова ждал жестокий испытание. Когда он на пробы в Художественном театре сыграл два сценки и трагедии «Смерть Иоанна Грозного», вы-

ступил в ролях Грозного и Годунова, он потерял половину слушав.

«Я сразу почувствовал... вспоминаю Качалов. — Я был совершенно сбит с толку непрерывным простотой общего тона и вместе богатством содержания. И я сразу почувствовал, что это не какой-нибудь провинциальный артист... Я понял, что пошла в какой-то совсем иную спонцическую среду. Я был ошеломлен. Исканая вера в себя была поколеблена. Игнорировать, как и играть раньше, было стыдно, играть по-новому я не умел. И в обеих ролях я совершенно определенно проваливался».

Осознавая Художественного театра К. С. Станиславский уговаривал Качалова: «У вас богатые данные», — но тут же предупреждал: «Вам предстоит ужасная работа над самим собой». Вы же такой молодой источник провинциальной, да и в tone с нами, что мы не можем выпустить вас в сколко-нибудь ответственной роли».

Качалов не дал никакой роли в подготовлявшейся тогда «Снегурочке» Островского. Его даже не вызвали на репетиции. Он перестал существовать для Художественного театра.

Что оставалось делать артисту, уже ставшему себе известность в провинции, бывшему албымму публички в университетском городе, игравшему там с успехом первые роли — это же Грозного и Годунова? Махнуть рукой на суровых критиков из Художественного театра и на самый этот, тогда очень шумный и далеко не всеми признанный театр и уехать назад в Казань, где его ждали успех и деньги?

Так сказал бы многие на месте Качалова. Но Качалов был ещё более строгим критиком своей актёрской работы. Его творческую совесть глубоко встревожила суровый приговор Художественного театра. И он захотел непременно посмотреть на сцену дома. Не выдержавши на репетиции повестки, он сам упорно пошелся к ней. Он словно поступил в строгую школу вольнослушателя.

«Досада, огорчение, — вспоминает Василий Иванович, — заслонялись тем громадным вызовавшимся интересом, какой я испытывал всё увидевшее и почувствовавшее. Я решил, что должен разобраться, выяснить в себе, в чём тут дело, в чём эта разительная, и так не в мою пользу, разница между «вами и нами». Самолюбие мое совсем не страдало. Я понимал, что пошла в какой-то совсем другой театр, где говорят на другом языке. И я должен этому языку выучиться, должен его понимать и на нём говорить».

Подлинная любовь к искусству жила в этом решении «выучиться» новому языку художественного искусства. Вот почему никто не умел тогда говорить актёры провинции. И Качалов неприменно ни дал кого выучился этому трудному языку мужественной правды и прекрасной простоты.

Репетиции «Снегурочки» шли к концу, в явля Берендей в спектакле не было: ни один из исполнителей не мог дать светлого образа чистоты. Станиславский предложил Качалову: «Почтуйте дома Берендей, завтра мы вас посмотрим».

Каково же было изумление Станиславского и всех художественников, когда наутро провинциальный неудачник, «актёр актёрский», как бранил себя сам Качалов, оказался чудесным парём Берендей, с необычайной правдивой и выходящей за пределы режиссуры!

— Нечего больше искать! У нас есть Берендей! — воскликнул Станиславский. — Вы всё у нас взяли, все выучились!

А М. Горький увидел «Снегурочку», писал Мехову с восторгом: «Снегурочку» очаровали... Господи, как всё это было славно! Как сон, как сказка! Восторг! Искренне! Восторг! Восторг! Славной парой, обладавший редким талантом по красоте и гибкости».

Это была победа вдохновенного труда, одержанная молодым актёром, про которого впоследствии Станиславский не раз говорил: «Качалов любит искусство в себе, а не себя в искусстве».

Таких побед, как в «Снегурочке», Качалов одержал много за свои сорганизованные работу в Художественном театре.

Одна из крупнейших была та, которую он одержал уже в годы Октябрьской революции.

Готовая торжественный спектакль ко дню десятилетия Великого Октября. Художественный театр ставил пьесу Вс. Иванова «Вронепоезд 14—69» — пьесу, которой этот автор дебютировал как драматург.

Качалов попросил, чтоб ему дали великую роль — сибирского партизана Виктора Вершинина.

Это заявление показалось странным, несбыточным. Качалов превосходно играл другого Вершинина — в пьесе Чехова «Три сестры», — но между этим артистическим подполковником, любящим философствовать на возвышенные темы, и крестьянином-партизаном из тайги была «дистанция огромного размера». Сам автор пьесы на перах или почти на перах, но Качалов может успешно пройти эту рискованную дистанцию. Вс. Иванов с явным опасением замечает, что «все роли прежнего репертуара Качалова были рождены событиями прошлого, былыми настроениями, чувствами, старыми отношениями к действительности, ушедшей от нас в октябре 1917 года». Как после человеческого Иванова и шекспировского Гамлета играть сурового таёжника-партизана?

Но Качалову, как никому другому, была свойственна великая способность углубиться в жизнь, переучивать себя, обновлять своё искусство непрестанно. Качалов искал в новом Вершинине нового человека, русского человека, созданного революцией, и нашёл его.

По словам Вс. Иванова, артист не довольствовался текстом роли: он требовал «возможно больше подробностей, дополнений, разъяснений, касающихся жизни пьесы в целом, характера, внешности, образа действий, биографии Вершинина в частности». Актёр толкал драматурга на новые детали и обрисовки характера Виктора, увеличивавшие его жизненность. Качалов требовал от автора заключительного монолога для Вершинина, отсутствовавшего в пьесе и необходимого для его полной обрисовки как человека и борца революции. И автор должен был признать: «Впоследствии я понял, насколько тонким и дальновидным было это указание Качалова... Качалов сумел понять и развить весь подтекст «Вронепоезда», который в пьесе был более аллюзивным и ступённым, чем в повести. Качалов создал фигуру партизанского вожака, исполненную монументального величия, пафоса, внутреннего обаяния, и я... был захвачен монументальностью фигур Вершинина».

Так всегда работала и работает Качалов: упорный, мудрый труд лежит в основе его прекрасного вдохновения, его чудесного творческого обаяния, которое так радостно передаётся зрителям.

Вдохновенному труду Качалова исполнилось свыше полвека. Но радость этого труда не померкла. С новым увлечением готовится великий актёр — так называла Качалова Станиславский — выступить в старой своей роли — в Несчастливцеве. Свыше пятидесяти лет выдает Качалов этой роли, она призвала его на сцену, она создала ему имя в театре, и тем не менее он заново готовит Несчастливцева для предстоящей постановки «Леса» в Художественном театре. Так велико в Качалове увлечение к искусству — великий труд ради искусства — для Качалова такая же насущная потребность жизни, как потребность дышать и быть на солнце.

В БУДАПЕСТЕ

Эти фотоснимки сделаны в то время, когда в Будапесте происходили ожесточённые бои — захваченные опущенные венгерские столпы от англичанцев. Сверху вниз: советские бойцы вооружают красные знамя над Будапестом; на одной из улиц города; немецкие баррикады из столов и стульев ресторана.

Фото Е. Халдея.

МОЯ БИБЛИОТЕКА

(ЗАМЕТКИ КНИГОЛОВА)

В 1825 году проживавший в Париже отставной русский вельможа граф Орлов издавал в Лондоне баснописца Ивана Андреевича Крылова на трёх языках сразу: русском, французском и итальянском.

Два изданных томиков напечатаны им в лучшей типографии Парижа, Дюжота, и украшены гравюрами именитых художников Франции, до самого Измаю вклучившись. В списке переводчиков басен значились наиболее громкие имена итальянских и французских поэтов. Достаточно сказать что басню «Усы» перевёл автор Марсельский Жуль-Анж.

Триумф Крылова в Париже был полней. Издание быстро разошлось, и анж, несмотря на экземпляры его пошавшие в Россию.

Много лет подряд усердно собирая прижитые к жизни издания наших классиков, мне удалось распечатать и эти два парижских томика басен Крылова.

Весьма примечательно в них предисловие издателя. Обращаясь к автору со словами: «Любезный друг, Иван Андреевич», — издатель так объясняет причины, побуждавшие его напечатать басни Крылова в переводах на иностранные языки:

«Пускай Иноземцы, кои испытали всю твёрдость и силу Русского Меча, узнают, что сей народ не имеет равных и извнших дарований, что и с сей стороны он заслуживает не менее уважения и почтения, как со стороны Салты и Шубея, гренадцын в честь его во всей Вселенной!»

Десять-двенадцать лет отделили время этого издания от тех дней, когда великий русский народ разогнал армию Наполеона, помещенного постигнуть на плечу священной земли.

Сегодня, спустя сто двадцать лет, в год несмываемых побед Красной Армии, я переиздаю собранные парижских томиков, перечитывая предисловие издателя и чувство гордости за великую родину наполняет мое сердце. «Иноземцы», познав и увидевшие опять с «твёрдостью и силой Русского Меча», являю ещё раз видеть, что «сей народ», не только сам «не имеет извнших дарований», но является и могучим защитником культуры всего мира.

Старые книги, самые замечательные друзья мои, могут быть и наиболее современными собеседниками.

В моей коллекции книг, изданных при Петре Первом, есть немало первоклассных дискуссионных. Такими, например, «Причины Эпономы», напечатанные в 1790 году в Амстердаме типографиком Петров — Иоганном Тессингом, комплект петербургских «Воспоминаний» за 1793 год, первая русская печатная газета, «Комиссия фигуры», издания 1721 года с гравюрами Пикарара, и другие.

Есть здесь и особо примечательная «Книга Марова», издания 1713 года. Книга, известная в читальных пяти-шести экземплярах, представляет собой сборник военных «реалий», своего рода «исторических сводов» действий российских

Н. П. Смирнов-Сokol'skiy в своей домашней библиотеке.

воёк во времена Петра. К «реалиям» приложены гравированные планы сражений, виды занятых иноземных городов, списки профанов, сведения о количестве убитых «взятых в плен» неприятелей. Это неэпистолярная увлекательная книга. С пожеланными страницей её, с волюнтаристских гравюр смотрят занятые войсками Петра гора — Шансесбург, Дерп, Калли, Аренбург, Коксгольм.

Одна из «реалий» сообщает о взятии города Штеттина и о выходе победоносных русских войск под командованием генерал-фельдмаршала Меншикова на реку Одер 29 сентября 1713 года. По карте, приложенной к этой «реалии», сегодня, 222 года спустя, можно отметить выход победоносных советских воинов на ту же реку Одер, на последний водный рубеж перед логовом фашистского зверя — Берлином.

Книга Исаев распахивается за любовь к ней. Чем, что я знаю в жизни, всем своим гасит-то ошущенным для меня успехом яркости и автора фельетонов и целом и полностью обитаям книге. Даже тому, что они у меня в количестве 15 тысяч томов, я обязан им же! Полюбите книги, и они сами выложат, могут порастать, им жизни. Можно жить, наконец, жить без книг!

Записным библиофилом, реднейшим собирателем книг вошёл в историю Пушкин.

Он любил книги страстно. В письмах его к жене постоянно встречается фраза: «Что дети мои? Что мои книги? Дождался до нас его личная библиотека — пять тысяч томов. Но книг было гораздо больше, часть из них «застрала» у наследников.

Профессионалы-пушкинисты любят говорить, что все книги Пушкина посвящены его баранчинским заметкам, примечаниям, подчёркиваниями. Это не очень верно. К ряду книг он относился как и рабочему, и вступил и действительно делал приписки на полях, отбрасывая отдельные места. Но Пушкин был истым библиофилом. К книге редкой и ценной он относился бережно до чрезвычайности. Я имею в виду «Путешествие» Радинцева у него было в двух экземплярах: один для

работы, другой — личный, библиофильский, с его, лункинской, пометкой: «Экземпляр, бывший в Тайной Канцелярии. Заглавие 200 рублей. А. П.» Редакция «Дружеского» Богдановича, тираж которой отгора в Москве в 1912 году, заплатила за него в особом ларде. Без пятишка стояли и многие другие книги.

В одном из писем к жене Пушкин пишет: «Книги, взятые мною в дорогу, перебрались и перебрались в сумку. От этого и так сердит сегодня, что не советую Машке (очер) выписывать и вносить с книжкой. Прибавь... смертельно раненый на дуэли, приспешный домой 27 января 1837 года, — первый взор свой и первые слова он обратил к книгам: «Прощайте, друзья мои!»

Любить старую книгу — вовсе не значит заниматься одним любованием старинной. Никто и ничто не может так научить, как ценить, почитать, современность, как знакомство со старым. Книги рассказывают нам о величии нашего народа и о жестокости борьбы, которую вел его заучивать и отстаивать, добывая того справедливого человеческого строя, при котором мы имеем счастье сегодня жить.

Имена Радинцева, Новикова, Рылева, Козельского, Покосова все предвещают с судьбой книг, написанных ими. В «умбабильный» век Ектерины автор «Путешествия из Петербурга в Москву» Александр Радинцев сослан в Сибирь, а книга его горит на костре, освещая путь потомкам-революционером.

До 1936 года книга Радинцева, этот страшный протест против рабства, ареста, пыток, находится под строжайшим запретом царской цензуры. Покинуть издатель обходит запрещение окончательно неудачно.

В 1872 году замечательный русский библиограф П. А. Ефремов совсем было уже «протачивал» Радинцева через цензуру и даже вынуждал его сочинения в двух томах. Книги Азова в типографии.

В это время начальником Управления по делам печати был назначен другой библиограф М. Н. Антонин. Другая Ефремов обобщил эти материалы (ещё бы: цензор — коллегия издателя!), пошедши они поозвонить:

— Ну, теперь вы Радинцев, несомненно, увидите свет!

Более дальновидный Ефремов ответил: — Возьмёт, что не только есть и не дым... Он намекал на сожжение.

Книги, правда, не были сожжены, но по постановлению цензуры уничтожены путём переработки в массу на картонной фабрике. Случайно уцелевшие несколько экземпляров этого издания — один есть и у меня — едва ли не столь же редки, как и первоначальный Радинцев 1790 года.

Я особенно старательно подбираю книги, уничтоженные, если только так назывались «дружкой» нашими. Сохранившиеся от такого уничтожения считанные экземпляры всегда чрезвычайно редки и раскрас-

работы, другой — личный, библиофильский, с его, лункинской, пометкой: «Экземпляр, бывший в Тайной Канцелярии. Заглавие 200 рублей. А. П.» Редакция «Дружеского» Богдановича, тираж которой отгора в Москве в 1912 году, заплатила за него в особом ларде. Без пятишка стояли и многие другие книги.

В одном из писем к жене Пушкин пишет: «Книги, взятые мною в дорогу, перебрались и перебрались в сумку. От этого и так сердит сегодня, что не советую Машке (очер) выписывать и вносить с книжкой. Прибавь... смертельно раненый на дуэли, приспешный домой 27 января 1837 года, — первый взор свой и первые слова он обратил к книгам: «Прощайте, друзья мои!»

Любить старую книгу — вовсе не значит заниматься одним любованием старинной. Никто и ничто не может так научить, как ценить, почитать, современность, как знакомство со старым. Книги рассказывают нам о величии нашего народа и о жестокости борьбы, которую вел его заучивать и отстаивать, добывая того справедливого человеческого строя, при котором мы имеем счастье сегодня жить.

Имена Радинцева, Новикова, Рылева, Козельского, Покосова все предвещают с судьбой книг, написанных ими. В «умбабильный» век Ектерины автор «Путешествия из Петербурга в Москву» Александр Радинцев сослан в Сибирь, а книга его горит на костре, освещая путь потомкам-революционером.

До 1936 года книга Радинцева, этот страшный протест против рабства, ареста, пыток, находится под строжайшим запретом царской цензуры. Покинуть издатель обходит запрещение окончательно неудачно.

В 1872 году замечательный русский библиограф П. А. Ефремов совсем было уже «протачивал» Радинцева через цензуру и даже вынуждал его сочинения в двух томах. Книги Азова в типографии.

В это время начальником Управления по делам печати был назначен другой библиограф М. Н. Антонин. Другая Ефремов обобщил эти материалы (ещё бы: цензор — коллегия издателя!), пошедши они поозвонить:

— Ну, теперь вы Радинцев, несомненно, увидите свет!

Более дальновидный Ефремов ответил: — Возьмёт, что не только есть и не дым... Он намекал на сожжение.

Книги, правда, не были сожжены, но по постановлению цензуры уничтожены путём переработки в массу на картонной фабрике. Случайно уцелевшие несколько экземпляров этого издания — один есть и у меня — едва ли не столь же редки, как и первоначальный Радинцев 1790 года.

Я особенно старательно подбираю книги, уничтоженные, если только так назывались «дружкой» нашими. Сохранившиеся от такого уничтожения считанные экземпляры всегда чрезвычайно редки и раскрас-

Иллюстрация французского художника Изобэ к басне И. А. Крылова «Рудель» (из парижского издания 1826 года).

знают о себе не только содержанием, их часто и внешность.

У меня есть напечатанная в 1908 году в типографии Понавского книга «История Пушкина, составленная в Рязанской цензурной палате». Книга по постановлению цензуры была подвергнута уничтожению, для чего в напечатанный тираж привезли на картонную фабрику и, как это всегда делается, предварительно разрубили машинной на три части.

Имеющийся у меня экземпляр был кем-то выкраден уже после такого «гиблого рожденья», и сейчас книга Понавского, разрубашная нарезкой цензуры на три части, производит страшное впечатление.

Книги, как люди. У каждой из них свой судьба.

Вот передо мной скромная книжка издания 1874 года — «Об отношении господ к прислуге». Внизу полнsize: «Типография И. Мышкина, в Москве, на Тверском бульваре в 3. Полякова».

Это Ипполит Никитович Мышкин, побывавший на категории революционер-народник, тот самый, который в 1875 году сделал попытку организовать совет Чернышевского из Сибири. Он герой знаменитого процесса «183-х», стенографический отчет о котором — книга, сожженная цензурой — одна из первых редкостей моего собрания.

В Москве, на Тверском бульваре, в доме Полякова, Мышкин организовал подпольную типографию. В ней была тогдашняя комната, в которой, не выходя на улицу, замурованные, велись революционер-народники. И книга «Об отношении господ к прислуге» — одна из пропагандистских книг, напечатанных в этой подпольной типографии. В настоящее время альбом типогрaфии Мышкина сидела полицейский инспектор, следил за всем, что печаталось, но мимо его носа проносили и подпольную литературу. Помимо этого раздела и раздела прижизненных изданий великих писателей и поэтов мною хорошо собраны альманахи.

Это маленькие очаровательные книжечки, ничто вроде отдельных номеров журналов, с самыми причудливыми названиями: «Невский альманах», «Северные цветы», «Комета Вель», «Мнемозина», «Альциона», «Заздравный Фина» и т. д. Пушкин, Гоголь, Вяземский, Дельвиг и многие другие сотрудничали в этих альманахах.

Следующий большой раздел — русская периодическая печать. Особое внимание собраны сатирические журналы. Начиная от екатеринской «Веселой валячки» до более замкнутых новиковских — «Живописца», «Трутня», «Перисского шепотальника», красавцев «Поэты душой». Есть очень большие редкости, как например «Иртыш», издававшийся в Ишпокрее — первый сибирский журнал 1769 года. «Журнал для мальков» и другие. Затем идут комплекты «Гудак», «Занозы», «Искры», сатирические журналы 1905 года.

Понятно, что этот раздел для меня — уже чисто профессиональный.

Усердно я собирал и заграничную «индустриальную»: комплекты гереновского «Колокол», «Полярный звезда», «С того берега». Остальное — в библиотеке — «старая простота» книг по языку, по фольклору, по истории нашей родины, наконец, собрание сочинений русских писателей и поэтов, то, что называется «от Тредьяковского до Маяковского». Ко всему этому добавляется большое количество специальных альбомов иллюстраций, гравюр, рисунков, автографов.

Еще уже несколько лет свои досуги от прямого актерского дела я отдаю подробному описанию собранного мною книг. Это не будет обычное библиографическое описание, пригодное лишь для специалистов. Это маленькие биографии каждой книги: ее история, история ее автора и описание особенностей, при которых она попала ко мне. Последнее — тоже маленькое нововведение, иногда забавные, иногда грустные. Мой «план» — пять тысяч таких рассказов. Тысячи три я уже сделал. Работы еще года на два.

План, приложенный к «рассказу» о здании города Штеттина и о выходе российских консулов на реку Одер в 1713 году (из «Марсово» книги).

ТОВАРИЩУ НА РУБЕЖЕ

Товарищ, когда покидал ты дом, Обладанный языком огня, Ты знал, что когда-нибудь мы дойдем До этого незабвенного дня.

Когда ты рубаху сваял на бинте, Под Киевом освободил село, О радости шагнула душа твоя, И сердце калябан железом жгло.

Когда в медсанбате ты будешь!..» — В тумане чернелись и тогда Завидное счастье — первым испытан! В угрюмые прусские города.

И вот она перед тобой — земля Исконного твоего врага, В колодежь проволоче поля И надобно чудовищные рога.

Томится на этой земле мужой И жены наши и сыновья, С такою ж открытой русской душой, Как золотая душа твоя.

И, хрюстят, ты говоришь: «Доволю!» — И, раненый, дагнешься вперед, Круша гранитами нахалу Змеиние жылы, за дотом дот.

Над Штеттингом наших моторов гуа, Бредула, как огненное ружье, Силеские авлаочки бегут... Но это пред мукой Минска — ничто!

Как герой Смоленск! А красавец Псков! Какою мерой врагу воздашь За пленение, за слезы двоя, За каждый растерзанный город наш!

Товарищ мой, Сталина верный сын, Отваге героя предлеж твои! Когда ты в молчаливый войдешь Берлин! — Все Пушки Москва заргнет в ответ!

Владимир РУДИМ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Он напал над передним краем, Лучистый, талый и густой, И сразу стал неузнаваем. Первый снег падал за высотой.

Отислевских слез вестя Едва колыхнулись в лесу, И в тишине лишь выстрел редкий Пугает зимнюю красу.

Лежала снежная тропа... На каждой ветке и тропе... — Мне первый снег напомнил снова О ранних встречах, о тебе.

Ты принесла много света И сердлу радость и простор, Как в снегопад природа эта И ветер, выравнявший с гор.

И мне сегодня после боя Легко, родная, на душе, Как будто ты весь день со мною Была в сосновом бивалаже.

Заносит снег пути, где много Петляла буйная война, Но от меня к тебе дорога Не будет ни замешана.

Вернусь я, став нежней и строже, Но прежний, как рыбинный вьет, Как этот снег, во всем изловлю На снегопадах прошлых лет.

ЧИТАЮ БЫЛО...

«КЛЮЧ»

Все, вероятно, помнит сцену из «Войны и мира», когда после званого обеда у Ростовых гости собираются воле клавирной и арфы и свидания музык. Наташа восклицает:

— Ну, пойдёмте петь «Ключ»!.. «По просьбе гостей молодые люди свели квартет «Ключ», который всем очень понравился».

Этот «Ключ» имел успех не только у героев «Войны и мира», но и у самого автора бессмертного романа.

Когда уже в наше время споевница Льва Толстого Татьяна Андреевна Кузминская (живой прообраз Наташи Ростовых) работала в Ясной Поляне над своим мемуаром, она, водясь однажды к ролю, обратилась к друзьям.

— Теперь, — сказала она, — а спою вам то, что поёт Наташа Ростова в «Войне и мире» и что очень любил Лев Николаевич.

И Кузминская задела песенку, слова которой впервые услышали друзья и почитатели Толстого:

«С тобой вдвоём
Скоро счастлива я,
Побьёт ты лучше соловья,
И ключ по кавказским тучам,
К ульяновскому нас влечёт.»

— Лев Николаевич часто собирал нас к ролю, — рассказывала

Кузминская, — и сам аккомпанировал, учил петь этот «Ключ».

Сын Толстого — Сергей Львович — также отчётливо помнит, что в их доме «Ключ» пользовался колоссальной популярностью.

— Выдв его в музыкальном репертуаре всей семьи отец, — вспоминает С. Л. Толстой.

В биографии великого русского писателя музыкальная страничка отведена очень скромно, но поставлено место. Толстой любил и понимал музыку. Он свободно играл на фортепиано и даже сочинял как-то вальс, нотная запись которого дошла до потомства. И, конечно, для него не составляло труда популяризовать ту или иную запоминающуюся песню.

Итак, любимым толстовским «Ключ» был воспринят близким окружением писателя, но никто ничего не знал о происхождении этой старинной песенки.

А история «Ключа» уходит в глубь истории, в восемнадцатый век. Семья русского дипломата Арсенева долгие годы жила в английской. У гостеприимного хозяина собиравлись известные учёные, артисты, музыканты. Семью Арсеновых посещал великий Моцарт. Однажды, во время домашнего спектакля, рассказывал семейное пре-

Нотная запись песни «Ключ» (версия семьи Л. Н. Толстого, записана С. Л. Толстым).

дание. Моцарт попросил написать что-нибудь для пения на этом вечере. Знаменитому автору «Дон-Жуана» и «Свадьбы Фигаро», сочинившему порой из нужды, по заказу придворной знати, разные пастушки и безделушки, вплоть до музыкального боя для стеновых часов, эта просьба не была в диковину. Он тут же набросал ноты и предоставил их в распоряжение хозяев.

Песню перевели впоследствии на русский язык, и в таком виде «Ключ» попал в Россию, став семейной реликвией в роду Арсеновых. Одни из потомков — Николай Петрович Арсенов, страстный музыкант, прирождённый артист и рисовальщик, большой приятель композитора Балакерева, — часто собирав любители музыки в своей обширной усадьбе под Тулой. Одним

из коронных номеров домашних программ на этих вечерах был «Ключ», принадлежавший перу самого Моцарта.

С Арсеновым нередко встречался Л. Н. Толстой. Возможно, что именно в мастерском исполнении Арсенева Толстой и услышал впервые «Ключ», столь полюбовавшийся и вложенный им впоследствии в «Войну и мир» как типичная музыкальная деталь эпохи.

Трудно с достоверностью утверждать, действительно ли Моцарт — автор «Ключа». Но бесспорно одно: эта грандиозная старинная песенка как нельзя тоньше сочетается с той атмосферой и музыкальным бытом дома Ростовых, которые так ярко воплощены на страницах «Войны и мира».

Е. КАНН

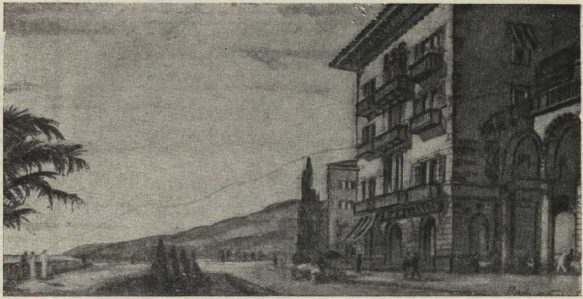
ТАК БУДЕТ!..

Гитлеровские варвары ожесточившим бомбардировками разрушили в 1942 году черноморский порт Туапсе. Оживлённый порт со всем его хозяйством, шведский, южный город они превратили в развалины.

Составление проекта восстановления Туапсе поручено академику А. Б. Шусеву и архитектору А. С. Мухому, работавшим над планировкой города в 1925—1926 годах. Архитектуру разработку застройки в проекте восстановления Туапсе выполнял К. Яковлев, Д. Савицкий и ряд молодых архитекторов.

Новый проект предусматривает сооружение объединённого морско-

го и железнодорожного пассажирского вокзала, создание центральной площади с выходящими на неё административными зданиями и устройством набережной на семь метров выше уровня портовой территории. Городу обеспечивается непосредственный выход к морю

близ центральной площади — здесь будет разбит широкий прибрежный бульвар в одном уровне с причалами.

Вдоль улицы протянутся длинные ряды платанов, кипарисов, пальм. Дома будут строиться каменные, с черепичными крышами, тёмными

аркадами, где можно укрыться и от знойного солнца и от тропических дождей.

Особое внимание в проекте уделено порту — он заново переоборудуется и расширяется.

На снимке: набережная в Туапсе по проекту восстановления города.

Г. КОЛОДНЫЙ

ПРЫЖОК НА ЛЫЖАХ

Ни одна спортивная тренировка не собирает столько зрителей, как прыжки на лыжах. Собственно, называть так гигантские прыжки-полёты, совершаемые смелыми спортсменами, не совсем точно. Они мало похожи на обычные прыжки легкоатлета или гимнаста, и трамплин, с которого прыгают лыжники, весьма далёк от обычного: это

Чемпион СССР по прыжкам на лыжах В. Андреев.
Фото Г. Борисова

большое сооружение, построенное по сложным расчётам строительного искусства.

...Лыжник лентит высоко. Он начинает прыжок с разгона. На вершине трамплина, где находится стартовая площадка, прыгун надевает лыжи, в последний раз проекает змейки крепления. У подножья горы мелькает красный флажок судьи — и лыжник устремляется по горе разгона вниз. На тяжёлых, широких лыжах, сделанных из редкой породы дерева гакора, растущего в Южной Америке, он мчится со скоростью мотоциклета — 80 километров в час! Прыгун одет в красивый облегающий костюм и обут в специальные ботинки с почти негнущейся толстой кожаной подошвой. На голове его шарфик, фасон которой установили норвежские лыжники.

Лыжи прыгуну отпозированы им самим словом художественной шкатулки шпалек мастеров. Это сделано для лучшего скольжения. Брюки его отлично выжужжены, чтобы в полёте не нарушалась строгость линий. Стиль прыжка имеет такое же значение, как и его дрифт. Судьи на трамплине строго оценивают красоту прыжка.

Когда лыжник, взяв старт, начинает спуск по горе разгона, он мчится по лыжам, низко присев, как бы собираясь в комоч. Абсолютно точно рассчитаны движения. Длина прыжка зависит от многого: хорошего скольжения лыж; силы и точного толчка при отрыве; положения в воздухе. Скорость, развиваемая лыжником, всё время возрастает. Ещё несколько метров — и он попадает на горизонтальной участок горы — столба, который оканчивается отвесным обрывом. Это, собственно, и есть трамплин.

Мгновение — и прыгун отбрасывается от трамплина. С огромной силой его бросает вперёд. Теперь он в воздухе, в полёте. Накатанная лыжня осталась позади. Главные движения рук помогают сохранить равновесие, ноги выпрямлены, туловище наклонено вперёд. Проходит 2—3 секунды, лыжник снижается и на огромной скорости, доходящей в момент приземления до 120 километров в час, прыгуня согнутыми в коленях ногами, мчится по горе приземления.

Красивый, мужественный вид спорта! У нас он припасён сравнительно недавно. Первые соревнования на звание чемпиона страны состоялись 19 лет назад. А впервые в мире показательные прыжки на лыжах были устроены почти шестьдесят лет назад — в 1886 году в Осло. Норвежские спортсмены славятся мастерством прыжков на лыжах. В Норвегии есть семья, где звание чемпиона передают от деда к внукам и от старшего брата к младшему.

Результат прыжка зависит не только от мастерства лыжника, но и от размеров трамплина. На ленинградском трамплине прыжки добывались одних результатов, на московском — других, а самых лучших — в Краснороске: там самый большой в СССР трамплин. Здесь совершил в 1940 году рекордный прыжок на 82 метра девятнадцатилетний москвич Константин Кудришов. Это достижение превышает первый всесоюзный рекорд, установленный в 1926 году им... 61,5 метра!

Как это произошло? Через несколько дней розыгрыша первенства СССР, на котором Константин Кудришов занял пятое место среди 26 сильнейших прыгунов страны, были проведены прыжки на побитый рекорд. Лыжи в этот день — 18 марта — скользя плохо, неслись отвесно. Но это не останавливало решительно настроенных прыгунов. Первому удалось побить рекорд голландца и ровеснику Кудришова — москвичу Салпаитку. Он удалил достижение на полтора метра. Кудришов оставался последним прыжком. Он снова протёр валики лыж и направился вверх к стартовой площадке. Результат прыжка превзошёл все ожидания: 82 метра!

Константин Кудришов — член спортивного общества «Спартак». Он выступил первый-раз на сорев-

Рис. Г. Валоха

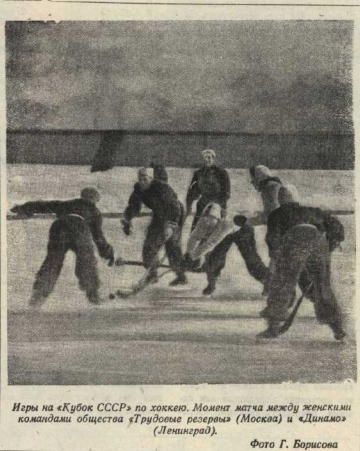
нованиях в возрасте 15 лет, а спустя четыре года уже установил всесоюзный рекорд. В дни Отечественной войны Кудришов был на фронте, ранен, награждён орденом Красной звезды. В розыгрыше первенства Москвы по лыжам за 1945 год он занял третье место.

В числе чемпионов СССР по прыжкам на лыжах были четыре ленинградца, четыре москвича и один горьковичанин. Только один германский прыгун перенёс в страну по прыжкам три раза. Это ленинградский инженер Демьянов. И только один москвич был чемпионом дважды — заслуженный мастер спорта Н. Овчин. Ещё один из десяти по европейским рекордам и чемпионом Советского Союза по прыжкам с шестом.

Любопытно, что и другой чемпион, заслуженный мастер спорта В. Андреев, завоевавший серебро СССР в 1940 году, был также хорошим шестовиком.

Многие лучшие прыгуны — инженеры. Люди с высоким техническим образованием, знакомые со сложными математическими расчётами, используют свои знания и для прыжков на лыжах. Один из них, мастер спорта Владимир Мауэр, математическими расчётами подтвердил преимущество аэродинамического стиля прыжка.

Очередное первенство СССР по прыжкам на лыжах с трамплина в этом году было разыграно на Уктусских горах близ Свердловска. Звание чемпиона завоевал ленинградский лейтенант Борис Кустов.

Игры на «Кубок СССР» по хоккею. Момент матча между женскими командами общества «Трудовые резервы» (Москва) и «Динамо» (Ленинград).

Фото Г. Борисова

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера Василия Смыслова

С настоящего номера шахматный отдел будет выходить под редакцией чемпиона Москвы по шахматам гросмейстера В. В. Смыслова.

ПРОВЕРКА ДЕБИЮТА

Шахматы издавна интересуют людей. В настоящее время накоплен опыт многих тысяч партий. Это, естественно, способствует развитию шахматной мысли. То, что было тайной для шахматиста прошлого столетия, становится азбукой для современного. Хорошо изучая дебют, то есть начальную часть игры, имеется даже специальная теория дебютов. Однако практика всегда является суверенной теорией. В чемпионате Москвы 1944 года встречались одна короткая, но поучительная в этом смысле партия.

Смыслов

- (белые)
- 1. e2—e4
- 2. Kf1—f3
- 3. Kf3—e5
- 4. Kc4—c4
- 5. Kb1—c3
- 6. d2—d3
- 7. Cc1—d2!

Камшинов

- (черные)
- e7—e6
- f7—f5
- Fd8—f6
- f5: e4
- Ff6—g6
- Ff8—b4
- ...

Положение после хода белых 7. Cc1—d2

Камшинов размыл королевский гамбит во второй руке. Вместо последнего хода белых теория рассматривает лишь продолжение: 7. d3:e4 Fg6:e4+. 8. Kc4—e3 Cb4:c3+. 9. b2:c3 Kc8—e7. 10. Cf1—e4 f4—d6. 11. 0—0 Cb3—e6 с ударом второстепенной игрой.

Усиление, найденное белыми в настоящей партии, ставят под сомнение корректность выше системы развития черных.

Теперь после 7. ... e4:d3 следует 8. Cf1:d3 Fb7:g2. 9. Fd1—e2+ Kc8—e7. 10. Cb3—e4 Fd2—b3. 11. 0—0—0—в черные выигрывают в развитии. А в случае 7. ... Kc8—b6. 8. Kc3:e4 терпят пену.

- 7. ... Cb3—e6
- 8. Cb2—c3
- 9. Kc4—e5
- 10. d3:e4

- Cb4:c3
- d7—d5
- Fb6—f5
- Fg5:e4+

- 11. Cf1—e2 Kc8—f6
 - 12. 0—0—0 Fc4:g2, to 12.
 - Ce2—f3, e7—f6
 - 13. Ce2—h5+ Kc8—f8
 - 14. Jf1—e1 Fc4—b4
- Единственное отступление. Иначе можно получить мат. Например 14. ... Fb5. 15. Cb4+ Kc8:16. C17X
- 15. Ch5—g6 Kc8—a6
 - 16. Fd1—e2 Cc8—b5
 - 17. Kc5—f3 c3:д5 слась.

МИХАИЛУ

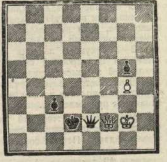

«ТРОНУТО — СХОЖЕНО...»

Шахматная борьба не знает снисхождения и требует внимания до самого конца, пока адротинна не едётся. Курьезный случай, который произошел в партии Рудавский—Макаенас, игранной в XII чемпионате по первенству СССР, прекрасно иллюстрирует это правило. После 62-го хода черных сложилась следующая ситуация:

В пылу турнирного соревнования Его постигло огорчение! Поспешно тронул он ферзя — И не ходит ферзем назад. Он огорчен, протинник рая! Пусть лучше мата во сто крат.

Пословице ты стерой верь! Фигуры код свьз раз отмерь. А. Иглицкий

У белых тяжёлое положение. Они сыграли роком 1. Kc2—h1. Сидя с онемевшей ладьюшкой Макаенас, уже уверенный в своей победе, машинально дотронулся до своего ферзя и только тогда заметил, что фигура своя. По существующим правилам, ему ничего не оставалось, как сделать ход 1... Fc2:f2, и партия окончилась ничью.

ИЗ ШАХМАТНОЙ СТАРИНЫ

Посетителя венского шахматного клуба могли в 1905 году увидеть странную картину: известный югославский мастер Вадмар играл серьёзную шахматную партию с чашкой в руках. Пятидесятилетнего геника. Это был Самуил Ревешский, генический чемпион Социалистических штатов Америки. Шахматный вундеркинд совершил тогда гастроли по Европе, но время коротко с успехом давало сеансы одновременной игры.

Партию против Вадмара Ревешский проиграл. Через 31 год он снова встретился с Вадмаром в ответственной партии восьмидесяти лет международного турнира в Хотингеме. Ревешский являлся равным за поражение в Вене в 25 ходов...

СУВОРОВСКАЯ ЗАДАЧА

Эту задачу Суворов предлагал офицерам, проверяя ихсообразительность. Рисунок представляет собой план крепости, которая охраняется часовыми, изображенными на чертеже точки. Командант крепости, проверяя посты, выходил из центрального помещения и, обходя посты, возвращался обратно. Суворов обычно спрашивал:

— Как ты, дружок, думаешь: как командант посты лежал, ежели командант по одному и тому же

редуту ни разу дважды не проходил и в всех часовых побывать всякий раз ухитрялся?

ОТВЕТ К ЗАДАЧЕ «ЗАЛТАЯ СТРАНИЦА», НАПЕЧАТАННОЙ В № 2

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык — это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обра-

щайтесь почитательно с этим драгоценным оружием: в руках ваших оно в состоянии совершить чудеса. И. Тургенев.

Ответы к кроссворду, напечатанному в № 1

- По вертикали:
1. Зубо. 2. Джукотрица. 3. Ноке. 4. Ян. 5. Огн. 6. Предлог. 7. Арденны. 8. Спартан. 9. Америна. 10. Гауэман. 11. Матрица. 12. Дом. 13. Макс. 14. Ре. 15. Понан. 21. Ротун. 22. До. 23. Тав. 25. Келл. 26. Бов. 27. Рубин. 28. Лун. 29. Дл. 30. Ярд. 31. Оза. 32. Мнг. 40. Аудет. 41. Орган. 42. Аул. 44. Трб. 47. Ошл. 48. Пот. 49. Кавал. 50. Армян. 53. Эрот. 55. Фавр. 56. Котичин. 58. Аманган. 59. Ничит. 71. Келл. 72. Келл. 74. Нон. 76. Луи. 81. Печ. 83. Ружь. 84. Уэльс. 86. Нивиз. 87. Уатро. 90. Перу. 91. Онево. 92. Полюк. 93. Сиван. 94. Келлин. 95. Уатро. 96. Лей. 97. Копп. 98. Зуб. 99. Вил. 100. Редборн. 107. Овалитон. 109. Ортуп. 110. Натан. 112. Ашер. 113. Дюло. 114. Омшор. 117. Аляланд. 118. Нивитон. 119. Альман. 120. Тав. 121. Фил. 122. Юн. 123. Оор. 125. Янган. 131. Янго. 133. Уалла. 134. Тав. 136. Варпа. 137. Игера. 139. Арга. 141. Мена. 142. Гравитта. 144. Спрет. 145. Равина. 147. Равитта. 148. Том. 150. Кол. 152. К. 153. Уалла. 154. Тав. 157. Уалла. 159. Уалон. 160. Шман. 162. Мена. 163. Тав. 165. Тав. 166. Ред. 168. Кул. 170. Атаман. 171. Эривитта. 172. Кривитта. 173. Дюло. 174. Кавал. 175. Атаман. 176. Абраман. 177. Рок. 179. Арга. 180. Тав. 181. Ред. 182. Ино. 189. Нон. 190. Оло. 192. Рок. 193. Имб. 195. Юн. 197. Мн. 203. До. 204. Сад. 205. Ян. 207. Тав. 210. Янган. 211. Ра. 212. Мн. 213. По.
- По горизонтали:
4. Зко. 6. Покунья. 8. Смена. 10. Героям. 12. Дын. 14. Утор. 16. Игр. 20. 17. Дин. 18. Мол. 19. Ано. 20. Алар. 23. Ге. 24. Агр. 26. Бр. 28. Агр. 29. Агр. 31. Ашл. 31. Мол. 35. Ое. 35. Дно. 36. Ливер. 37. Фига. 38. Лун. 39. Дл. 41. Опа. 43. Ага. 45. Таво. 46. Гол. 48. Бас. 50. Ар. 51. Тавро. 52. Уго. 53. Ар. 54. Кол. 55. Кол. 56. Астор. 57. Уго. 58. Уалман. 59. Тав. 60. Аляндия. 61. Том. 62. Келла. 64. Арга. 65. Ют. 67. На. 69. На. 70. Дн. 72. Таксона. 73. Похонне. 75. Нейтго. 80. Дилмонд. 82. Бр. 84. Юн. 86. Дно. 100. Кел. 104. Ост. 102. Ску. 105. Лог. 104. Бр. 105. Бр. 108. Корша. 111. Коллар. 114. Рубон. 116. Таво. 118. Оборова. 118. Бравина. 120. Уго. 122. Вел. 121. Ост. 125. Кол. 126. Мгу. 127. Опа. 128. Ржа. 130. Мр. 132. Субоба. 135. Гвардия. 135. Таво. 140. Оборова. 141. Бравина. 142. Мр. 143. Тав. 144. Ашлун. 154. Милонел. 156. Пиллет. 156. Уго. 160. Ют. 161. Дн. 163. Та. 164. Кавал. 167. Опа. 168. Ют. 170. Агробна. 172. Лог. 173. Оборова. 174. Ашл. 180. Уго. 181. Рок. 182. Агр. 183. Ют. 184. Ют. 189. Дн. 187. Тав. 189. Ют. 191. Рок. 192. Ред. 194. Ску. 196. Уго. 198. Вел. 199. Дн. 200. Астор. 201. 202. Рок. 203. Агр. 204. Ют. 205. Ют. 211. Рым. 213. На. 214. Огара. 216. Мн. 216. Тав. 217. Ют. 218. Ют. 219. Алено. 220. Дно. 221. Мортона. 222. Гипра. 223. Терпаня. 224. Вел.

По горизонтали:

Отвественный редактор — Борис ВЕХОВЕХ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Тел. 4-334-24.

С КАРАНДАШОМ ПО РУМЫНИИ

РИСУНКИ ХУДОЖНИКА В. КЛИМАШИНА

Группа военных художников студии имени Грекова некоторое время тому назад совершила поездку по Румынии. На этой странице мы печатаем несколько зарисовок, сделанных в Румынии художником В. С. Климашиным.

Советские войска вышвырнули немецких фашистов из Румынии. На верхнем рисунке запечатлён марш советских танков по Королевской площади Бухареста, очищенного от гитлеровцев.

Первое, что привлекло внимание художников за Дунаем, — это колоритные фигуры румынских крестьян. Одетые в рублища, всегда унижаемые богатыми сословиями, ещё более притеснявшиеся во время владычества немецких захватчиков, они глубоко взволнованы человеческим отношением к ним советских бойцов. На нижнем рисунке художник запечатлел сценку: советский офицер угощает папиросами румынских крестьян.

На рисунке в центре: типичный для бухарестских улиц киоск; он носит на себе следы откровенного подражания румын французам, стремления во всём «напоминать Париж».

На рисунке сверху, справа: один из маленьких газетчиков, толпы которых наводняют улицы румынской столицы. Газета, которую он несёт, сенсационно оповещает: «Премьер Радеску объявил начало новой эры!» Увы, для этого мальчика, представителя румынской бедноты, «новой эры» под властью Радеску так и не наступило...

Цена 4 руб.

Лётчик авиации дальнего действия Герой
Советского Союза майор А. Фёдоров.
Фото С. Фридлянда